

ИРИНА ЕНЦ

На грани времен

ШЕРШЕНЬ

КНИГА ВТОРАЯ

Ирина Енц

**На грани времен.
шершень. Книга вторая**

«Автор»

2025

Енц И. Ю.

На грани времен. шершень. Книга вторая / И. Ю. Енц —
«Автор», 2025

Он пришёл из другого времени, не зная, найдёт ли путь назад. Его сила — дар Знающего, но выбор — человеческий: спасти любовь или остаться с семьёй, которую только обрёл. Мир трещит по швам, тьма дышит в спину, а Грань между мирами рушится. Он — Шершень. И его решение изменит всё.

© Енц И. Ю., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ирина Енц

На грани времен. шершень. Книга вторая

Пролог

Он бежал, не чуя под собой ног. Колючие ветки ельника хлестали по лицу и рукам, кусты рвали льняную рубаху и портки в клочья, будто стараясь его удержать. Из большой, во всю щеку, царапины сочилась тонкой струйкой кровь, но он старался не обращать на это внимания. Это была даже не рана, а так, пустяк. В голове билась только одна мысль: «Увести, увести преследователей подальше». Он оставил детню в схроне: две девчушки-близняшки и еще трое малышей, которым едва-едва исполнилось пять зим. Он, конечно, мог напустить легкий морок, как учила его мать, и тогда враги бы его потеряли. И даже их суровые лютозвери не нашли бы его след. Он умел, он делал это не единожды. Но тогда они бы учуяли притаившихся в схроне детей, от которых исходил устойчивый запах страха. Нет, он должен увести их подальше, запутать супостатов в диких еловых корбах, загнать их в непроходимое болото, чтобы они увязли в погоне за ним.

О том, чтобы самому вступить в бой, в одиночку, против взрослых воинов врага, не шло и речи. Это в его ситуации было просто невыносимо. И дело было даже не в том, что он, непокоренный и непобежденный кашеевыми выползками, сгинул бы сам безо всякого толку и пользы. Все дело было в мальчиках, которые сидели в схроне, зажимая ладошками рты, чтобы наружу не вырвался крик страха. Убьют его, и кто о них позаботится? А ведь он дал матери слово, что все будет хорошо. К тому же с оружием у него было туговато. Один единственный нож – память о сгинувшем отце, который передала ему мать, когда исполнилось одиннадцать зим. Добрый нож из неведомой голубоватой стали, выкованный нездешними мастерами. А все равно, каким бы добрым он ни был, против сулиц и стрел не устоять, а уж о зубах свирепых лютозверей и говорить не стоило. Тех брать можно было только на копье, да на стрелу. И то не всякий воин сумел бы. Тут нужна была особая сноровка. Вот мать бы его смогла, а он... Он, вряд ли. Грустно было это признавать, но он с самого раннего возраста привык говорить только правду. Если не мог сказать все как есть, то лучше было промолчать. А уж самому-то себе... тут и разговоров быть не могло.

Он уводил вражьих воев известной только ему тропой, по которой ходили только дикие звери да лесные духи. Выбравшись из лесной чащи, он остановился на опушке, напряженно прислушиваясь к звукам недалекой погони. Сейчас нужно выпустить волну страха, чтобы помощники людей, шедших по его следу, жуткие лютозвери, его почуяли. Эти твари, творения самой тьмы, были неутомимы и шли не только по запаху следа, но и по запаху страха. Высокие в холке, почитай до середины бедра взрослого мужчины, с узкими хищными мордами и красными горящими глазами, они навевали ужас только одним своим внешним видом. Длинная молочно-белая шерсть покрывала их тела. Огромные, острые, словно стальные клинки, зубы разрывали жертву в считанные мгновения. Они не лаяли, к примеру, как собаки, и не выли, как волки, хотя, если судить по тому, что он о них знал, были страшной смесью и тех, и других. Кашеевы вырождались что-то сотворили с благородными зверями, чтобы получились эти жуткие охотники за людьми. Мать говорила, что в своих тайных подземельях они уродовали людей и зверей, чтобы получить невыносимых чудовищ, которые бы служили им беспрекословно. Страх – вот было самое мощное их оружие. Сильные мускулистые лапы лютозверей не знали усталости, а в душе у них не было ни страха, ни жалости. Впрочем, и душ у них тоже не было. Утешало одно: если убить такую тварь, то богиня Марцана уже никогда не даст им новой шкуры. Но убить их было почти невозможно. Во время погони они издавали какие-то хрипяще-хрю-

кающие звуки, словно барсук, дерущийся со своим соперником во время ложного весеннего гона. И только завидев жертву, они исторгали из своей пасти свистящий пронзительный звук, от которого закладывало уши, а волосы на голове становились дыбом.

Он попытался восстановить в памяти этот звук, который уже слышал однажды, чтобы вызвать у себя приступ испуга, но вместо страха в его душе поднялась только ярость. Нет, так ничего не получится! Тогда он присел на корточки и закрыл глаза, представляя, как он тонет в болоте, как чавкающая жижа затягивает его в свое бездонное брюхо. И тут же волна страха захлестнула его. Он даже забил в воздухе руками, словно пытаясь выбраться из вязкой грязи. Открыл глаза и огляделся в испуге, словно и впрямь только что чуть не утонул в болоте. Хруст ломаемых веток позади него стал явственнее. И если напрячь слух, то можно было даже услышать голоса тех, кто шел по его следу. Значит, лютозвери его почуяли. И это было хорошо. На него вдруг напала какая-то беспабашная злая удаля. Не сумев удержаться, он засмеялся, громко, зло, заливисто, скаля зубы, как нападающий волк. Сорвавшись с места, он побежал еще быстрее напрямик через луговину туда, где вниз по склону вела едва заметная волчья тропа, упирающаяся прямо в Мертвящую топь. Для незнающих это место считалось непроходимым. Но он-то незнающим не был! Только бы погоня, раззадоренная его «страхом», полезла за ним! И тогда... Додумывать он не стал, боясь спугнуть удачу. Ведь каждому известно, что удача любит тишину. И тишину не только речи, но и мыслей.

Он уже был на середине склона, когда погоня выскочила из леса, и лютозвери увидели его. Над луговиной понесся пронзительный свист-воплъ, от которого сводило челюсти, а внутренности начинали вибрировать. Он прибавил скорости, хотя и так бежал очень быстро, и с разбегу влетел в воду Мертвящей топи. Трясина, словно нехотя, пробудилась, пузырясь вонючим газом, от которого сразу стала кружиться голова. Он с опозданием вспомнил, что не сделал того, что должен был: пропустить свет Сварги через свое тело, чтобы придать себе легкости, которая позволяла бы двигаться одинаково свободно что по убродному снегу, что по зыбучим пескам, что вот по таким топям. Попробовал сосредоточиться на ходу, как его учила мать. Получилось не очень хорошо. Но ему все же удалось чуть облегчить вес собственного тела, и он стал прыгать с кочки на кочку, стараясь не оглядываться назад.

В нескольких десятках сажений от берега горбился над черной мутью болотной воды небольшой островок неустойчивой тверди, облепленный со всех сторон чахлым кустарником и пожухлой желтовато-бурой травой-осокой. Вот на нем-то он и хотел немного перевести дух и сосредоточиться, чтобы придать своему телу необходимое состояние для дальнейшего безопасного пути. Он уже был почти достиг цели, когда услышал за спиной жуткий вопль. Лютозвери скатывались белой лавиной по склону и с разбегу заскакивали в топь, следом таща на поводках своих сопровождающих. Люди, поняв, что происходит, стали отчаянно сопротивляться, громкими криками стараясь удержать своих чудовищ, но все их усилия были напрасны. Злобные бестии уже видели свою добычу и не собирались отступать, и не было сейчас такой силы, которая бы смогла их удержать на месте.

Только лишь на мгновение он поддался мстительной радости, что его план сработал, и отвлекся от той малой сосредоточенности, которая, худо-бедно, помогала ему не провалиться в болотную жижу, как тут же попал в ловушку. Топь схватила его своими цепкими лапами и потащила в бездонную тьму, засасывая медленно его тело в свою ненасытную пасть.

Глава 1

Темнота... Тишина... Небытие... Все внутри меня сжалось в какой-то комок, словно маленький зверек, спрятавшийся от лисицы в своей норе. Только сердце продолжало трепыхаться пойманной птицей. Дыхание стало перехватывать, а в груди словно вырос ледяной ком, мешающий вдохнуть полной грудью. И только где-то на самом доньшке сознания едва-едва теплилась мысль: «Это уже прошло... Этого нет на самом деле...» С великим трудом я заставила себя открыть глаза. И сразу мой взгляд уперся в потолок из тесаных досок. В небольшое окошко, через слюдяную пластину, пробивался серенький свет приближающегося утра. Я лежала неподвижно на жестких досках лежака, застланного медвежьей шкурой, и не предпринимала никаких усилий, чтобы встать с него. По вискам скатывались капли холодного пота, а дыхание было частым и поверхностным, словно я долго взбегала на крутую гору. Уж сколько лет и зим минуло с ТОГО дня, а мне чуть не каждую ночь снился этот сон. Все было так, словно происходило наяву, будто меня снова и снова отсылали в тот самый день, когда... Старая Хубава говорила, что это я сама посылаю себя каждую ночь в тот час и день, потому как сожалею о том, что оставила. Может, оно и так, но избавиться от этих видений я никак не могла. Что-то внутри меня не давало забыть этого дня. И каждую ночь я ложилась спать, уже зная, как я встречу рассвет.

Когда разрушенные Врата внезапно пробудились и позвали меня, это было так внезапно, так неожиданно, что я даже не успела осознать, что произошло. Когда, после перехода, я пришла в себя, то увиденное вокруг привело меня в ужас. Голубоватое сиянье сразу же замкнулось за мной, словно Врата пробудились лишь на краткий миг, чтобы только перекинуть меня назад. На горе дул пронзительный холодный ветер, и легкая льняная рубаша не была защитой от его студеной объятий. Редкие снежинки кружились в воздухе, падали мне на лицо, обжигая холодом кожу. Три камня, когда-то образующие Врата и обозначающие грань времен, были разрушены. Видимо, остаточная энергия, копившаяся в этом месте многие круги жизни, перед тем как исчезнуть окончательно, сотворила такое. Но я знала твердо, что боги ничего не делают просто так. Рисунок моей судьбы на пальцах богини Среки был мне самой не виден и не ведом. И потому следовало принять случившееся и подчиниться року. Нет, я не сдалась, а смирилась до того момента, когда пойму сей глубинный замысел и смогу выполнить свое предназначение.

Выбравшись с трудом из груды дробленного камня, я оглядела округу, и волосы на голове зашевелились от охватившего меня ужаса. Все вокруг было черно. Запах гари и смерти витал в воздухе. Не осталось леса, ни кустика, ни травинки, только одни головешки, да вороны, скорбно каркающие над этим пустынным местом и изо всех сил борющиеся с порывами ветра. Мне захотелось тут же лечь на холодный камень в ожидании смерти, которая бы избавила меня от горечи, страха и отчаянья, затопивших меня чуть ли не до самого доньшка. Я даже представила себе, как снег заметает мое безжизненное тело, образуя невысокий холмик, ставший мне последним прибежищем в этом жутком пустом мире. Но я теперь была не одна. У меня под сердцем билась еще одна искорка жизни, наш с Глебом ребенок, сын. То, что это будет именно сын, я нисколько не сомневалась.

Мысль о Глебе, оставшемся по ту сторону Грани, заставила меня судорожно всхлипнуть и крепко зажмуриться, борясь с подступившими слезами. Не время... Ох, не время для пустых сожалений и бесполезных стенаний. Нужно было спуститься вниз и поискать себе убежище, пока не настала ночь. Сизые холодные тучи ползли неповоротливыми чудовищами по низкому небу, а ветер выводил свистящие рулады среди холодных каменных глыб. Но я все никак не могла оторваться от этого места, заставить себя, повернувшись к нему спиной, спокойно уйти. Глупая, бессмысленная надежда «а вдруг» словно приковала меня железными цепями к этим камням. Чтобы окончательно убедиться, что Врата более не откроются вновь, я приложила

ладони к тому месту, где еще совсем недавно сверкало голубое пламя перехода. На мгновение застыла, прикрыв глаза, прислушиваясь к себе. Ничего... Даже больше, чем ничего. Я ощутила пустоту, которая словно в воронку втягивала остатки моей энергии в себя, будто прожорливый зверь. Мормагон, проклятый подменыш, прокравшийся в будущее и уничтоживший Врата, сгинул сам, но теперь никто бы не сумел сказать, что случилось с Границами времени и как они теперь действуют.

Нет, нужно срочно уходить. Попытаться найти тайные проходы. Если все, что было на поверхности, сгорело, сгинуло, то подземные схроны должны были остаться неповрежденными. На то они и были рассчитаны. У меня теперь не было ключа в виде символа Ярилы-Солнца, но я была Хранителем Тайных Ходов нашего Скита и знала, как попасть внутрь и без ключа. Вот этим и стоило теперь заняться, а не сидеть здесь застывшим истуканом с горестными мыслями! На мне была только длинная льняная рубаха. Ни оружия, ни одежды, ничего, что могло бы меня защитить от врага или от капризов осенних ветров. Я стала спускаться вниз, осторожно оглядываясь по сторонам, но мой взгляд везде натывался только на обгорелые пни да разбитые в щебень скалы. Что за сила сотворила такое с некогда цветущим краем?! Я должна была в этом разобраться. Мне предстоит здесь жить и воспитывать своего ребенка. И я хотела это делать без страха.

Там, откуда я пришла, было раннее утро в самой середине лета, а здесь же стояла поздняя осень. Впрочем, время года меня пока нисколько не заботило. У меня было в достатке сил, чтобы справиться с холодом. Чтобы сбросить босые ноги, я перешла на легкий шаг, едва касаясь поверхности земли. Конечно, это отнимало энергию, но только самую малость. Идти стало легче, и я безо всяких раздумий направилась в сторону, где стоял наш Скит. У меня еще теплилась надежда, что я смогу отыскать в Тайныхходах хоть кого-то живого. Впрочем, слишком много об этом думать я не стала, готовая к любому, что ждет меня впереди. К тому же, не было уверенности, что попала я именно в свое время, а не позже или, может быть, даже и раньше. Но тут у меня оставалась надежда на богов. Если завели меня сюда, значит, так складывался узор моей жизни, а пустого в их замыслах никогда не бывало.

Когда я спустилась с горы, уже наступили вязкие серые сумерки. Я брела среди обгоревших остовов когда-то великих деревьев и прислушивалась, стараясь уловить хоть какой-то живой голос. Посылать мыслепоиск пока не решалась. Мало ли... Без надежного укрытия и защиты, без мало-мальски хоть какого-то оружия – это было опасно.

Наш Скит я обнаружила уже в ночной темноте. Точнее, место, где когда-то стоял Скит. Только одно лишь вязкое пепелище, засыпанное первым снегом, да остывшей золой. Скорбеть времени не было. Уверенно прошла в самый дальний угол крепости, где когда-то стоял дом старца Световлада. Под ногой что-то звякнуло. Наклонившись, с радостью обнаружила старую, уже подернутую ржой сулицу с обгоревшим древком. Определив, где точно у старца была горница, принялась копать. Разгребла слой золы и с удивлением обнаружила, что доски пола остались почти неповрежденными огнем. Старый дуб горел неохотно, пропитанный специальным отваром из трав, предохраняющим дерево от гнили и горения. Подковырнула одну из половиц и увидела лаз в погреб. Опять постояла на верхней ступени, прислушиваясь к малейшим шорохам и звукам. Опять ничего. Только тоскливые завывания ветра, словно горестно оплакивающие пепелище. На сердце было мрачно и тяжело, но я напомнила себе, что сейчас не самое лучшее время для скорби и отчаянья.

Медленно стала сходить по ступеням вниз. Светильник мне был без надобности. В темноте я видела не хуже кошки. В подполе ничего не изменилось. Старые бочки, несколько глиняных корчаг, в которых старец хранил небольшой запас зерна и сухих трав. Сейчас они все были пусты. Это давало надежду, что все же кто-то из Скита остался в живых. Причем, кто-то из тех, кто знал тайну этого подпола. И это мог быть только сам старец. Опять огляделась по сторонам, стараясь угледеть еще хоть какой знак, свидетельствующий о том, что живые в

Скиту все же остались и ушли тайными проходами. И была надежда, что, может, и мне Световлад оставил хоть какое-нибудь послание или намек на то, где следует его искать. Не заметила ничего.

Тяжело вздохнула и, скрепив сердце, прошла в дальний угол. Отсчитала третье бревно снизу, вставила острым концом в щель сулицу и налегла изо всех сил на древко. С третьей попытки бревно сдвинулось, открывая небольшую нишу, в которой стоял деревянный короб. Выволокла его наружу и внимательно ощупала крышку. Под пальцами почувствовала маслянистую гладь восковой закупорки, которой были залиты мельчайшие щелочки короба, чтобы влага не проникла внутрь. Не без усилий откинула тщательно подогнанную крышку и с облегчением выдохнула. Небольшой запас сухих трав, а также специальных лепешек киш из вяленых кусочков мяса и сушеных ягод, спрессованных особым способом, были аккуратно разложены по холщовым мешочкам и туго перетянуты пропитанной воском бечевой. Эта еда была очень сытной, ее брали воины и ловчие в дальние походы. Находка меня порадовала. Значит, первое время голодать мне не придется. Следом за мешочками я извлекла из короба воинскую сбрую, а на самом дне, завернутое в выделанные шкуры и смазанное особым составом из гусиного жира и сосновой живицы, лежало оружие.

Это был запас на «черный день», и то, что им никто до меня не воспользовался, означало... Хотя это могло означать и то, что старец специально не тронул схрон в надежде на мое возвращение? Ломать голову не стала. Да и усталость брала свое. Задвинув изнутри плаху пола на место, я завернулась в одну из шкур и прикорнула тут же, у короба, забывшись тревожным сном.

Спала я в полглаза и снов никаких не видела. Голова была перегружена всеми произошедшими событиями. Проснувшись окончательно от того, что показалось, будто услышала, как Глеб зовет меня по имени: «Варна-а-а...» Встрепенулась, шепча непонятно кому: «Я здесь, любимый...». Поняв, что мне все примерещилось, закусила губу до крови, чтобы не расплакаться. Несколько минут приводила дыхание и собственные чувства в порядок. Не время сейчас было для слабости. И сразу же почувствовала жажду. Хотелось пить. Почти сразу вспомнилось, что недалеко от дома Световлада был родник, откуда вода по керамическим трубам шла в каждый дом и строение скита. С трудом поднялась, расправляя затекшие конечности. Голова гудела, словно в ней поселился целый улей растревоженных диких пчел. Вода... Сейчас я ничего так не хотела, как глотка свежей родниковой воды! Выбралась из выделанной шкуры, которая заменила мне сегодня постель, нащарила в темноте сулицу и, поднявшись по ступеням подпола, сдвинула в сторону плаху, прикрывающую лаз. Серый тусклый свет, хлынувший в проем, показался мне нестерпимо ярким после полнейшей темноты. Крепко зажмурилась, чтобы глаза быстрее приспособились к свету, и опять открыла их. Стало немного легче смотреть на белый свет. Впрочем, называть его так теперь было бы неправильно. Свет был серовато-тусклым, каким-то мертвящим. Плотные облака закрывали все небо от горизонта до горизонта, и даже слабый луч осеннего солнца не мог пробить эту, набрякшую влагой, толщу.

Раньше это место было наполнено истинным светом и энергией радости, а сейчас... Сейчас унылая картина, под которую подходило только одно слово: смерть. Мне захотелось быстрее покинуть это место и бежать, куда глаза глядят, как можно дальше отсюда. Но бежать пока было нельзя. Нужно обследовать здесь все, и тогда, возможно, я пойму, что же здесь случилось. К тому же, чтобы куда-то идти, мне нужны были силы, которых пока не было. Мертвые деревья, гниль и пепел вытягивали из меня остатки энергии. Только чистая вода могла вернуть меня к жизни, даровав мне толику своей энергии. Вернулась к коробу. Выбрала себе надлежащую сбрую и кое-какую одежду. Из оружия взяла боевой топорик, с которым было привычнее обращаться, чем с сулицей, и охотничий нож. Без него я чувствовала себя совсем беззащитной, словно слизень без раковины. Еще бы колчан со стрелами, да лук с тугой тетивой. Но в коробе

такого не было. Ладно. И то, что имелось, – уже хорошо. Нужно было уметь быть благодарной богам, что не забыли и не оставили своим водительством и помощью.

Место, где когда-то из земли пробивался родник, нашла сразу, но вот добраться до воды оказалось непросто. Сначала хотела расчистить завал руками. Но, потратив много времени без особого результата, эту затею оставила. Я хорошо понимала, что силы заговоров тратить на такие пустяки не стоило, мало ли, что меня еще ждет впереди, и может пригодится каждая капелька энергии, но без воды у меня не будет вообще никаких сил. Так что, из двух плохих ситуаций выбрала наименее затратную по времени. Села на груды мусора, сложив ноги калачиком, расслабив все мышцы и прикрыв глаза для лучшей сосредоточенности. Сначала хотела мысленно «осмотреться», нет ли поблизости еще какой-то сторожевой силы, которая могла бы дать знать врагам, что здесь оказался один из Рода. Но потом передумала. Если кто и следил за этим местом, то уже должен был понять, что здесь кто-то есть. Выброс энергии при моем переходе мог бы насторожить любого наблюдателя. Поэтому мне следовало поторопиться. Губы зашептали быстро:

– *Именем Света, именем Рода, именем Силы его...*

Медальон в виде лапы волка на моей груди, мой щит и оберег, доставшийся мне от пращура моего Велеса, нагрелся, почувствовав обращение к Роду. Потекла в меня сила от Предков моих, к коим взывала. Сначала по капельке, потом ручеечками, а уж после и потоком хлынула. Дышать сразу стало легче, несмотря на запах пожарища, который был здесь повсюду. Представила мысленно, как ищу под землей голубую ниточку исчезнувшего родника, а найдя, стала на себя тянуть-наматывать, словно клубок пряжи, да тихо приговаривать:

– *Вода-молодица, студеная сестрица,*

В озере чудном умывала, ключом бьющим запирала...

Через некоторое время я услышала едва уловимое журчание. Тоненькая струйка воды стала пробиваться сквозь груды обгорелых досок и кусков обожженной глины со следами копоти по бокам. Быстро принялась расчищать место для родничка, выкладывая его камешками и кусочками черепицы. Когда вода унесла всю грязь, зачерпнула горстью живительной влаги и жадно принялась пить. У воды был горьковатый привкус гари, но я не обращала на это внимания. Почувствовала, как вода наполняет меня живительной силой. И только после умыла лицо. Потом, скинув рубаху, несмотря на обжигающий холод, ополоснула все тело и сразу почувствовала, как все мышцы наливаются горячей силой. Надела на себя чистую одежду, подпоясалась сыromятным ремнем, приладив нож и топорик на положенное место. Теперь можно было заняться обследованием места, откуда шли тайные тропы в подземные схроны.

Только к ночи я добралась до самых дверей, ведущих к Тайным подземельям. С большим трудом своротила тяжелые каменные блоки, скрывающие от чужих глаз вход. Их еще потом предстояло вернуть на место. А пока вернулась в подпол и собрала в мешок то, что могло пригодиться в дороге: пустую баклажку для воды, несколько мешочков с травами и кишем. На дне коробка нашла с десяток жал для ближнего боя и тоже забрала их с собой. Все, что осталось, аккуратно уложила обратно в короб и прибрала в тайник, тщательно замаскировав место. Мало ли... Чтобы напрасно не тратить силы, запаслась несколькими факелами, набрала воды из родника и с душевным трепетом встала перед дверьми. Собравшись с силами, произнесла древнее заклятие на почти исчезнувшем языке предков и потянула за створку двери, окованную железными полосами. Створка словно нехотя поддалась, открывая небольшую щель. Помедлив несколько секунд, шагнула внутрь, в темноту. Двери за мной со стуком затворились. Подвесив над входом охраняющее заклятие, произнесла громко нужное слово и услышала глухой рокот камней, засыпающих двери снаружи. Обратной дороги здесь мне уже не было.

Чужих в этом месте встретить не опасалась. Сию тайну из всего Скита знали только я и Световлад. Не думаю, что старец доверил бы ее еще хоть кому-нибудь. В этом подземелье было убежище Рода, если наступит последний час. Судя по тому, что я видела наверху, этот

час наступил. Но я до сих пор не могла понять, какому супостату было по силам сотворить подобное с миром. И с этим мне еще предстояло разобраться. Опять мелькнула мысль о Глебе. Если бы мы были вместе... Одернула себя. Сейчас все эти воспоминания делали меня только слабее.

Ходы были снабжены множеством защитных ловушек для случайных людей, но для меня они были не опасны. Не единожды я в прежние времена проходила этим путем, и большинство из этих смертельных западней были изготовлены мною. Теперь тут можно было и пустить мыслепоиск. Но для начала решила немного отдохнуть, день сегодня выдался тяжелый. Глотнула немного воды, поглядела на киш и сморщилась. Не лезла мне еда в горло, никак не лезла. Пробурчала, пеняя самой себе:

– О себе не мыслишь, подумай о той жизни, что в тебе. Ему тоже силы нужны...

С тяжелым вздохом отломила малый кусочек от прессованной лепешки и принялась жевать, почти не чувствуя вкуса. Покончив с едой и питьем, занялась главным: нужно было понять, проходил кто-то из наших этим путем, а может, еще и сейчас находится кто под землей, хоронясь от неведомого врага. Села в расслабляющей позе и сосредоточилась на поиске. Почти сразу же наткнулась на стену, словно выложенную из камня, а за ней – пустота. Эту уловку я знала. Она делалась для чужаков, возмись они прошупывать пространство, чтобы обнаружить беглецов. Открыла глаза и выдохнула от облегчения, узнав повадку Световлада. Каждый человек особенный. У каждого свой голос, который не спутаешь ни с каким другим, своя походка, жесты, мимика лица, цвет глаз. И энергия у каждого человека своя, несхожая ни с какой другой. А уж, когда он применяет силу, тут уж совсем, знающему человеку ошибиться невозможно. Так же, как любой знающий может легко понять, если столкнется с чужими повадками. Это было сродни узнаванию человека по внешности или его голосу. И я знала точно, что только Световлад мог поставить барьер такой силы и особенностей! Значит, жив старец, а может, и не он один. Теперь оставалось понять, куда он увел жителей Скита, большинство из которых были отроки. Вдруг вспомнился Волчок и дружок его, Свистун. Живы ли...? Прогнала грустные мысли. Поддержала лямки вещевого мешка на плечах и двинулась вперед.

Ходы имели множество разветвлений, часть из которых приводила в тупик, часть заводила в смертельные ловушки, и только четыре из шестнадцати проходов имели выход на поверхность к тайным схронам, где людей ждала еда на первое время и кров.

Сначала мне показалось, что это простая задача. Ведь я могла видеть внутренним взором следы, которые оставляет каждый человек, имеющий хоть каплю, хоть зачаток силы. А то, что я легко найду след старца, в этом я даже не сомневалась. Но, увы... Как говорят у нас старики: «Загад не бывает богат». Когда я дошла до первого перекрестка, то обнаружила, что след, как говорят охотники, уже остыл. Даже тени не осталось от тех, кто здесь проходил когда-то. И если бы я не наткнулась в самом начале на барьер, то могла бы подумать, что здесь вообще никто не проходил. Как же давно это было? Присев на корточки возле стены подземного коридора, задумалась. Оставался только один способ, которым бы воспользовался любой, у кого не было ни капли силы. Нужно было пройти по всем четырём коридорам до самого конца и искать следы выхода людей уже на поверхности. Ну что ж... Раз нету другого пути, придется воспользоваться этим.

Первый проход был самым коротким и выводил к крутому оврагу, разрезающему лесную чащу напополам. Будто в древние незапамятные времена один из Великих Богов прочертил своим копьём здесь борозду, которая осыпалась и заросла кустами гибкого и вездесущего ракитника. На самом дне оврага на моей памяти было небольшое озерцо, берега которого густо поросли камышом и болотным кипреем. Имени ему не дали в виду его невеликих размеров, называли просто – водяница, из-за его неброской красоты и тихой глади.

Наружу выходила осторожно, прошупывая окружающее пространство бережно, едва касаясь его своей мыслью, скользя по волнам всепроникающего и вездесущего света, как лег-

кий мотылек касается своими крылышками лепестков цветка. Пожарище тоже дошло сюда, но лес здесь пострадал меньше. Судя по следам на земле, без стараний Батюшки-Перуна здесь не обошлось. Послал он сильный ливень, который и притушил всепожиряющее пламя, насланное на нашу землю неведомым врагом.

Выход здесь был спрятан в стволе огромного старого дуба, совсем не тронутого огнем. Не зря говорят, что дуб – дерево священное, олицетворяющее саму суть нашей жизни, а потому хранимое богами. Осторожно выбравшись из дупла, я стала спускаться вниз, к воде. Озерко на дне оврага почти обомлело, затянутое ряской и водными лилиями. Но вода под слоем зелени оставалась чистой, не затхлой, потому как с самого дна били несколько ключей, напаявая водяницу своей живительной влагой. Я зачерпнула горсть воды и плеснула ее себе на лицо. Потянувшись за второй горстью и сразу почувствовала, что я уже здесь не одна. Энергия, которая меня насторожила, была бледно-желтой, с багровыми всполохами страха. Тот, кто прятался в приозерных зарослях, до смерти меня боялся.

Я сделала вид, что ничего не заметила. Спокойно умылась и пошла неторопливой, почти гуляющей походкой вдоль берега заросшего озерца. Две пары настороженных глаз испуганно смотрели мне в спину. Это были отроки: один мальчик и одна девочка. Только у малых могла быть такая, еще несформированная до конца энергия бледно-желтого цвета. С возрастом она будет меняться, переходя в синие или зеленые тона, а пока... Я выбрала место поположе и стала подниматься по стене оврага, делая вид, что ухожу. Дошла до густых кустов орешника, растущих на самом краю оврага, и, скрывшись за ними, упала плашмя на землю. Юркой ящеркой стала передвигаться в ту сторону, где пряталась детня. Только очень опытный охотник в слабом шуршании лесной подстилки мог бы уловить мое присутствие и то, как я двигаюсь. Подстилка пахла прелой листвой с опавших деревьев, смешанной с запахом гари. Но здесь запаха смерти почти не ощущалось, как это было вокруг моего Скита. На старом дубе, в котором был выход из подземелья, еще оставались побуревшие листья. Ветер шелестел в них, создавая фон звуков, среди которых было трудно неопытным детям разобрать звуки моего продвижения.

Очень осторожно я подкралась по самой верхней кромке оврага к тому месту, где прятались отроки, и стала наблюдать. Первые несколько минут ничего не происходило. И если бы не мое умение видеть энергию, то можно было бы подумать, что мне почудилось присутствие здесь живых людей. Прошло еще с десятков минут, когда заросли камыша раздвинулись, и из-за сухих стеблей показалась головенка со взъерошенными светлыми волосами. Это был мальчик, лет семи от роду. Круглое личико, темно-голубые, почти василькового цвета глаза, немного вздернутый нос и четкий рисунок сурово сжатых губ говорили о его принадлежности к Роду Святорусов. За ним, крепко вцепившись в подол его измызанной и рваной рубашонки, вылезла девчушка, помладше мальчика на две зимы. Светло-русская косица выбилась из-под измазанного в саже платка неопределенного грязного цвета, рубашонка до пят, как видно, с чужого плеча, подпоясанная куском веревья и перепуганные голубые глазища на половину круглого личика свидетельствовали о том, что они с мальчиком из одного Рода. Скорее всего, брат и сестра. Девчушка прошептала, глотая от страха окончания слов:

– Данко... Она ушла...?

Паренек, крутя настороженно головой по сторонам, напоминая бельчонка, вывалившегося из гнезда, шикнул на нее:

– Тихо ты...! Вроде как ушла...

Девчушка тихонько захныкала:

– Может, она бы нам помогла, а, Данко? Почто прячемся-то? Может, она своя?

Мальчишка опять на нее шикнул:

– Ага... Как же... «Своя», – передразнил он девчушку. И зло добавил: – Такие «свои» наш Скит пожгли и мамку убили. – Девчушка, при упоминании «мамки», тихонько и горько

заплакала. Мальчик, тяжело вздохнув, посмотрел на сестренку и, уже без злости, немного ворчливо проговорил: – Видала? У нее на поясе боевой топор. Почто девке боевой топор? Ты много в нашем скиту девок с топорами видала? – Девчушка испуганно шмыгнула носом и отрицательно помотала головенкой, а ее брат уже совсем добродушно пробурчал: – Вот, то-то же... А ты – «своя». Нет, Вратка... Своих здесь уже нету.

Девочка испуганно поглядела на брата. Ее дрожащий голосок звучал жалобно, когда она спросила:

– А как же мы-то? Ведь зима скоро... В пещере зябко будет, да и одежи у нас теплой нету... – И совсем тихо добавила: – ... и еды... – И опять горестно всхлипнула.

Мне уже было понятно, что ребятишки эти чудом спаслись из какого-нибудь разоренного неведомым врагом скита. И, конечно, я знала, что не оставлю здесь детей одних. Это значило бы обречь их на верную гибель. Но и гоняться за ними по всему свету в мои планы не входило. Поэтому я напустила легкий сонный морок, так, чтобы они не могли быстро двигаться. А потом, поднявшись на ноги, тихонько свистнула, привлекая к себе внимание. Страх, выплеснувшийся из них наружу, мог бы сбить с ног и взрослого воина. Они смотрели с испугом на то, как я медленно спускаюсь к ним по склону оврага. Мальчик, несмотря на то что движения ему давались с большим трудом из-за моего морока, все-таки сумел наклониться и взять в руки суковатую палку, валяющуюся неподалеку. Истинный сын своего Рода, он до последнего вздоха был готов защищать сестру от надвигающейся опасности.

Подойдя ближе, я миролюбиво проговорила:

– Чего всполохнулись-то? Не бойтесь. Я Варна из Скита Матушки Йогини... Вам зла не причиню.

У девчушки глаза распахнулись широко от удивления, а у мальчишки, наоборот, сузились, как у сердитого дикого кота. И он проговорил медленно:

– Ты лжешь... Мы слышали про этот скит. Кащеево племя его уничтожило под корень много зим назад. Те, кто выжили, ушли отсюда далёко.

Я тяжело вздохнула.

– Я покинула Скит уже давно и не знаю, что случилось со всеми, кто там жил. А вот сейчас только вернулась и нашла одно лишь пепелище. И потом, разве тебе неизвестно, что родовичи никогда не лгут друг другу?

Но парня убедить было не так-то просто. Он половчее перехватил палку, чуть наклонился вперед, словно бы для нападения, и проговорил с немалым подозрением:

– Родович родовичу рознь... Мы тоже думали, что к нам пришли родовичи, а после оказалось, что все они были подменщиками. Откель нам знать, что ты не одна из этих, кащеевых прихвостней?

Я усмехнулась:

– Ниоткель... Только, если бы я была из подменшей, то вы бы уже мертвые лежали или связанные. А я вот стою тут и с вами разговоры разговариваю. И, кстати, сонный морок я напустила только для одного, чтобы не носиться за вами по лесам да болотам, силясь уговорить принять мою помощь и защиту. А сейчас я его сниму с вас. Только, если не хотите одни сгинуть в этих чащах без жилья и оружия, вы останетесь на месте. Мы перекусим, чем боги послали, и поговорим обо всем. Согласны?

Мальчик продолжал на меня смотреть, все еще не веря тому, что я сказала, а девочка, дернув за рубаху брата, тихо прошептала:

– Данко... Ну давай... Видишь, она нам не враг. – И добавила чуть тише, слегка заикаясь: – Она сказала, что у нее есть немного еды... – И сразу замолкла, трудно сглотнув, будто опасаясь, что сказала лишнего.

А у меня комок к горлу подступил. Что же это творится, Великие Боги?! Как же мы допустили эдакое злодеяние, творящееся на нашей земле?! Почему не уничтожили тех, кто сотво-

рил подобное с нашими Родами?! Невольно я сжала кулаки и крепко сцепила зубы, почувствовав, как темная энергия ненависти к неведомым супостатам заклубилась у меня внутри. Наверное, я не смогла сдержаться в полной мере. И ребятишки шарахнулись от меня, все еще не в силах убежать из-за морока. А вокруг меня заклубилось темное облако, словно я стояла на поле боя лицом к лицу со своими недругами. Усилив воли я взяла себя в руки. С трудом разжала кулаки, поднесла ладонь к губам и тихонько дунула, снимая сонное оцепенение с детей. Мальчик, который был сильнее сестры и все это время напрягался, чтобы избавиться от морока, не почувствовав преграды, упал, зашуршав сухими камышами и повалив за собой сестру. Я подошла и помогла им встать, спросив, как ни в чем не бывало:

– Что вы здесь делаете и где ночуете?

Данко, все еще недоверчиво косился на меня и молчал, а вот его сестра, сразу проникшись ко мне доверием, охотно ответила:

– Мы тут съедобные корешки искали. А ночуем там... На дальнем краю оврага старая барсучья нора. Мы ее немного расширили... – И, подняв перемазанное личико ко мне, спросила с придыханием: – А ты Знающая, да? Я слыхала о таких, как ты. У нас в Скиту тоже была Знающая, матушка Добродея. Только она была совсем старая. И когда пришли эти... – Девочка нахмурилась и, подавив горестный вздох, продолжила: – Она погибла первой, стараясь защитить нас. Все силы выплеснула, удерживая врата. Ее черной стрелой... – И, недоговорив, все же не сумела удержаться от горестного всхлипа. Я осторожно погладила ее по голове, будто опасаясь, что она, как испуганная лань, рванет по камышам от моего прикосновения. Моя мягкая ласка вернула ей хорошее расположение духа, и она с любопытством спросила: – А правда, что в Ските Матушки-Йогини все были Знающими?

Я усмехнулась.

– Нет, дитя... Не все. Были воины, ремесленники, были те, кто обрабатывал землю. Все, как и в других прочих Скитах наших Родов. – Замолчав на мгновение, добавила: – Ну, может, Знающих чуточку побольше, чем в остальных-то было. Но и только-то. А так, как и везде по нашей земле.

Конечно, я слегка лукавила. Таких, как наш Скит, было немного, но детям было об этом знать необязательно.

Время близилось к ночи, и нужно было найти ночлег. Мои найденыши были голодны и совсем замерзли. Я пожалела, что не захватила с собой оставшуюся в коробе одежду. Сейчас бы она очень пригодилась. Но вернуться обратно я уже не могла. Сама же все входы завалила. И открыть их можно было только снаружи. А идти поверху, по земле – это было бы долго, да и не нужно. Возвращаться туда, где царила смерть, не стоило. Но и оставаться на ночь под открытым небом было бы для них убийственно. Барсучья нора тоже не была подходящим местом. И я решила вернуться в подземный ход. По крайней мере, там тепло и сухо. А тайность... Я всегда могла внушить детям, что мы ночевали в какой-нибудь пещере. Утро вечера мудренее. Мы уже почти были на границе выжженных земель. А значит, дальше нам могли попасться Скиты, до которых еще не добрались вражьи лапы.

Глава 2

От того, что мы сейчас отправимся в тайный проход, девчушка пришла в восторг, а вот брат её всё бычился и с недоверием смотрел в мою сторону. Но деваться ему было некуда, и он послушно полез в дупло за сестрой. А Вратка продолжала болтать без умолку, не иначе как после отошедшего испуга.

– А у нас в Ските тоже тайный ход был. Его только матушка Добродея знала, через него нам и убежать удалось. Уж больно скоро всё случилось. Данко, ты же помнишь, как нам про тот ход рассказывали? Раньше туда только Знающие могли ходить, да ежели какая опасность приключится, вот как эта... А ты по весне полез за Добродеей подглядывать, и тебя ещё тогда дед Войко крапивой по ногам отхлестал... Неужто забыл?

Мальчик что-то буркнул в ответ сестре, слов я не разобрала. Мысли мои были заняты другим. Следовало расспросить этих малых, что же произошло с их Скитом. И что же это за вороги такие, что им ни стены крепостиц, ни тайность нахождения скитов в лесных чащобах, куда не каждый ведал пути, не были преградой? Да и Знающие силами немалыми обладают, и тоже не сумели защитить? Странно это было. Мало того, что странно, но ещё и страшно.

Специально для ребятишек, чтобы они чувствовали себя спокойнее, я зажгла факел. Пристроила его в стене и достала свой мешок. Оба сразу замолкли и, почти не дыша, глядели голодными глазами, как я достаю съестное из мешочков. Девчушка, было, дернула ручонкой, чтобы взять кусочек киша, но брат на неё взглянул строго, и та поспешно спрятала руку за спину, виновато посмотрев на мальчика. Глядеть на всё это у меня не было никаких сил. В горле опять встал комок, а глаза защипало. Чтобы как-то скрыть своё состояние, я опустила голову ниже, с преувеличенным усердием развязывая тугие узлы на мешочках со съестным. Разломала два киша на ломтики поменьше и, поставив баклажку с водой рядом, скупно проговорила:

– Ешьте... Да после на отдых устраиваться будем.

Девочка вопросительно посмотрела на брата, тот, вздохнув тяжело, сдержанно кивнул головой. И только после этого его молчаливого одобрения Вратка взяла маленький кусочек киша и стала его сосредоточенно жевать. Данко с горькой улыбкой смотрел на сестру, не торопясь приступить к трапезе. Сначала я подумала, что он не очень голоден. Но тут же поняла свою ошибку. Он был очень голоден, но, как все мужчины наших Родов, в первую очередь хотел накормить сначала слабых. Убедившись же, что у тех, о ком они заботятся, еды в достатке, только потом сами приступали к трапезе. Когда сестренка взяла второй кусочек, только тогда брат начал есть сам.

Киш был едой сытной, и ребята вскоре наелись. У Вратки глазенки сделались соловыми, сонными, а язык стал заплетаться. Я поспешила её уложить, положив свой мешок под голову, а сверху укрыла своей нательной рубахой, которую захватила с собой на всякий случай, про запас. Данко смотрел с нежностью на сестренку и тихонько гладил её по голове. Замызганный платок совсем сбился у неё с волос, она попробовала натянуть его обратно на голову, да так и не сумела, погрузившись в глубокий сон. Только губешки у неё прищмокивали, словно она всё ещё ела кусочек сухого киша. Судя по поведению мальчика, ложиться спать он не собирался. Аккуратно убрав все остатки еды до последней крошечки в мешочки, я тихо спросила:

– Ты не собираешься спать?

Мальчик кинул на меня быстрый взгляд и коротко ответил:

– Я не хочу спать...

Похоже, у него всё ещё оставалось некоторое недоверие ко мне, но я решила не обращать на это внимания. Проговорила миролюбиво:

– Ну, тогда ты не будешь против, если мы немного поговорим. Меня давно не было в этих местах, и я очень хотела бы знать, что случилось с нашей землёй. Что за враги смогли сотворить такое с нашими Родами? Ты мне расскажешь?

Рука Данко, гладившая растрепанные светлые кудряшки сестры, на мгновение остановилась. Он упрямо сжал губы и замер, похожий на маленького перепуганного зверька, затаившегося в густых ветвях ели, прячущегося от хищной куницы. И, как бы мне горько не было это сознавать, но в роли той самой куницы сейчас выступала именно я. Мне вдруг захотелось прижать его растрепанную головенку к груди, нашептывая какие-нибудь ласковые и бессмысленные слова, чтобы натянутая до предела струна его сердца наконец расслабилась и зазвучала той музыкой, которую даровал ей Творец. Но я не сделала ни единого жеста в сторону мальчика, а просто тихо проговорила:

– Я всегда боролась со злом. Идя по следу подменыша, я попала в другое время. – Брови у Данко взлетели удивленными пташками, но спрашивать меня он ни о чём не стал. Только в его синих глазах ясно виделся вопрос: «А так бывает?» Я, сделав вид, что не замечаю его недоверия, продолжила спокойно: – И там, в жестокой схватке, я уничтожила его. Но за это время здесь произошло что-то страшное. И пока я не пойму, что именно, мне трудно будет идти дальше. Это словно тебе завязали глаза и дали в руки меч, не обозначив врага. Поэтому, если ты видел, что здесь произошло, расскажи мне... – И добавила ещё тише: – Пожалуйста...

Малец глянул на меня своими васильковыми глазами так, словно собрался забраться мне внутрь головы. А потом спросил, прикрывая надежду усмешкой:

– И что...? Ты одна станешь воевать с этим врагом?

Я, чуть качнув головой, с едва заметной улыбкой ответила:

– Почему одна? Я найду других Знающих, и вместе мы сможем что-то сделать. Есть тайные тропы, неведомые остальным людям, по которым ходят только лишь Волхвы и те, кто владеет стихиями. На них, на этих путях, многое скрыто от простого человеческого понимания. Ведь когда-то наш Предок Тарх Перунович сокрушил луну Лелю со всеми находившимися на ней тёмными силами. Если пришло время, то мы сможем собрать те силы, которые сокрушат врага.

Кажется, моя речь произвела на паренька впечатление. Он слушал меня внимательно, и я видела, как постепенно ослабевает в нём напряжение, в котором он находился последнее время. Тяжело вздохнув, он поник головой. И дело было не в том, что ему не хотелось мне что-то рассказывать, потому что он ещё не считал меня до конца своей. Ему просто было страшно вспоминать. Я его не торопила, понимая, как ему сейчас тяжело. Мы посидели некоторое время в молчании, и, наконец, подняв голову с совершенно сухими глазами, он начал чуть охрипшим голосом, глядя куда-то мимо меня в пустоту:

– Всё началось странно... Вроде как перед большой бурей или сильной грозой. Воздух стал какой-то... густой, тяжёлый. Сначала заволновались животные, собаки завывали по всем дворам, а на людей напало какое-то беспокойство. Наша Знающая матушка Добродея взошла на сторожевую башню и стала смотреть на запад, словно именно оттуда надвигалась неведомая нам угроза. Потом она послала гонца в соседний скит, где стояла дружина, чтобы предупредить и попросить помощи... – Он замолчал, по-прежнему глядя в пустоту.

Я подождала немного, а потом тихо спросила:

– Помощь не пришла...?

Мальчик, словно опомнившись, посмотрел, наконец, прямо на меня глазами древнего старца и с горькой усмешкой произнёс:

– Почему не пришла? Пришла... Ратники, закованные в доспехи, с боевым оружием... Только... Они хлынули на наш Скит со всех сторон, словно стая голодных волков. Их чёрные стрелы пробивали броню наших витязей, словно она была из бумаги. А ещё у них было какое-то неведомое доселе нам оружие, которое разило наших воинов на большом расстоянии. Первую

атаку мы отбили... На защиту поднялись все, кто был в Скиту, и старики, и женщины, и даже мы, отроки. Знающая призвала на головы нападавших страшный ветер, который разметал их полчища, словно стог старой соломы. Но силы её быстро иссякли... – Он трудно сглотнул и едва слышным шёпотом добавил: – Она ведь была уже старой, наша матушка Добродея... А полчища врагов, закованных в диковинные чёрные доспехи, всё прибывали и прибывали, будто они не знали смерти. И тогда Знающая собрала молодых женщин и всех отроков из Скита и открыла нам тайные проходы, велела уходить. Маму уже к тому времени убили, но я не хотел оставлять Скит, не хотел покидать родичей. Тогда Добродея сказала, что я отвечаю за жизнь сестры, и мы ушли...

Он опять замолчал, а я, подавив в душе жалость, стала недоумевать. Или паренёк не всё знает, или не всё рассказал. Даже если допустить, что предатели-подменыши провели врагов тайными тропами к нашим Скитам, то Знающие могли легко с ними справиться. В Ските, откуда эти дети, была всего одна Знающая, но ведь она могла связаться с остальными! Для нас нет проблемы в расстоянии! И тайными путями Волхвы могли быстро добраться до тех, на кого напали. Проблема была в том, что уничтожены ВСЕ скиты вокруг, словно на них напали одновременно! Как это возможно?! Ясности у меня всё ещё не было. И думаю, эти дети мне её не дадут. Нужно было искать остальных. И идти придётся не по верху, а проверить ещё два пути, по которым могли отступать из нашего Скита. Я была почти уверена, что Световлад жив. А раз так, то я смогу с ним связаться мысленно.

Я посмотрела на Данко. Он сидел, погружённый в свои мысли, и я решила, что мальчику нужен отдых. Путь нам предстоял неблизкий. К тому же, тех запасов, что я прихватила из тайного схрона, надолго не хватит. Добычи в окрестных лесах можно было не искать. Скорее всего, те звери, которые сумели спастись, ушли отсюда. Так что стоило поторопиться. Да и одежка на мальчиках была не для поздней осени. Но прежде чем погрузить Данко в сон, я задала ему ещё один вопрос:

– А скажи мне, как долго вы скитаетесь, и где те, что ушли из Скита вместе с вами?

Мальчик глянул на меня усталым взглядом и тихо проговорил:

– Это случилось на исходе ХейЛеть¹... А остальные... Я не знаю. Когда пришёл разящий огонь с небес, многие погибли в его пламени, остальные разбежались кто куда. А остался ли кто-то в живых... Я не знаю... За время скитаний мы никого из людей не встречали.

Судя по тому, что сейчас шёл месяц АйЛеть², скитались они долго. А ещё я зацепилась ухом за его фразу «никого из людей...», а кого тогда встречали эти дети? Хотела спросить, да увидела, как тело мальчика стало клониться вбок, а глаза закрылись. Он уснул там же, где и сидел, и мне не пришлось насыпать на него сон.

Я осторожно уложила его рядом с сестрой и погасила факел. В темноте легче думается. А подумать мне было о чём. Из того, что мне рассказал отрок, мне было ясно только одно: напали враги, коих ещё не знали наши Рода. А вот что это за супостаты, мне предстояло выяснить самой. Но для начала нужно было пристроить куда-то ребят. Скоро задует Сиверко, и детям нужен кров, тепло и еда.

Расслабив все мышцы и стараясь не думать о том, что я услышала от Данко, я послала свою мысль на поиски. Не верила я, что никого из Знающих более не осталось. Чувство было очень странное. Словно я пробивалась сквозь плотную толщу какой-то мутной, киселеобразной субстанции. А главное, ничего живого вокруг я пока не ощущала. И это пугало меня. То ли на меня так действовал такой неожиданный и внезапный переход через грань, то ли я просто устала, а что было хуже всего, может, те неведомые враги что-то сотворили с энергией нашей земли. Раньше я черпала свои силы в единении со всей вселенной, частью которой была

¹ ХейЛеть – На древнеславянском названия месяца июля

² АйЛеть – Название месяца ноября

и наша Мидгард-Земля, а теперь меня как будто что-то выталкивало из сосредоточенности, будто земля меня не принимала, точнее, не узнавала! Как это было вообще возможно?!

Я покосилась на спящих детей. Для верности накинула на них легкую сеть морока, чтобы не проснулись, пока я не вернусь. А то одни, в темноте, перепугаются насмерть. Здесь были и другие ходы, полные западней и смертельных ловушек. Так что рисковать не стоило. Была у меня еще мысль, что само подземелье, по неведомой мне причине, блокирует каким-то образом мою связь. Хотя раньше мне это совершенно не мешало. Что-то происходило непонятное, что меня очень тревожило, если не сказать, пугало. Мне нужно было выбраться наружу, на вольный воздух. Там вода и земля, воздух и солнце. Пускай сейчас ночь, но Ярилин свет я все равно почую.

Выбравшись в дупло старого дуба, внимательно прислушалась. Ни звука, ни какого другого признака присутствия кого-либо живого. Ни тебе совы не кричат, ни лисицы не таякают, ни волки не воют. И даже мыши не шебуршатся в пожухлой траве. Пожар всех изгнал. Только неугомонный ветер что-то нашептывал в сухих листьях дуба, словно силясь мне что-то поведать. Я спустилась к самому берегу озера, зачерпнула ладонями воду и зашептала знакомое:

– Матушка Вода! Обмываешь Ты крутые берега, жёлтые пески, белые-горючие камни своей быстринной – серебряной струей...

Проговорив наговор до конца, я выплеснула остатки воды обратно в озеро. Несколько минут ничего не происходило, а потом рябь прошла по поверхности воды. Я тихонько подула в сторону озера, прошептав:

– Ветры могучие, вы весь мир облетаете, с неба до земли вести носите... Призываю на помощь ветер северный, ветер южный, ветер западный да ветер восточный...

Заволновались кроны деревьев, словно тревожный гул пробежал среди не опавших листьев. Прохладное дуновение коснулось моего лица, будто здороваясь. Я поклонилась на четыре стороны, приветствуя ответившие стихии. И в заключении, как обычно я это делала, обратилась к Пращуру своему, Велесу:

– Велес, велемудрый, батюшка наш. Услышь славеса наши, обрати свой взор на дела наши, виждь нас, детей своих, мы пред твоим оком предстоим. Раденье тебе кладём, с чистотой сердец наших. На всяк день, аще и на всяк час, встань с духом нашим духом своим. Прими во ум твой деянья наши, и будь в них порукою...

Почувствовав, как на моей груди нагрелся оберег в виде лапы волка, символ Велеса, улыбнулась. Нет... Не ушла сила. Какие бы вороги не сотворили такое беззаконие на земле нашей, не разорвать им связи наших Родов с Пресветлой Сваргой и Предками нашими! И опять, закрыв глаза, юркой белочкой послала мысленный поиск во все концы. Увидела, как вокруг меня словно стеклянной защитой встали стихии воды и воздуха. Зыбкой, колышущейся стеной отгородили меня от всего остального мира. Но знала я, что не было щита прочнее и крепче. И тогда воззвала я, подняв голову к хмурым и темным небесам:

– Услышь меня, Световлад!!! Отзовись, в каком бы мире ты не пребывал на сей час!!! Нуждаюсь я в твоей помощи и водительстве!! Укажи путь, коим следовать...

Тонкая мерцающая нить заискрилась в ночной тьме, устремляясь на восток. И слабый, едва уловимый шепот прозвучал у меня в голове: «Варна???» Я от радости чуть было не утратила эту едва образовавшуюся и еще неустойчивую связь. Замерцала путеводная нить, грозя исчезнуть, потухнуть во мраке осенней ночи. Собрав всю волю в кулак, я послала мысль: «Куда следовать? Где искать тебя, отче?» Сильнее зашумел ветер в сухих листьях старого дуба, и, когда я уже думала, что утратила связь, ответ пришел: «Ветер путь укажет... Ступай за западным ветром...» И все... Ветер стих, только слабые волны заплескались в камышах у самых моих ног.

Выдохнув, я почувствовала, как у меня дрожат колени от напряжения. Села тут же на берегу и задумалась. Ликование от того, что Световлад жив и мне удалось с ним связаться,

закинула в дальний угол сознания. Не время сейчас для торжества. Нужно было решать, как отсюда к своим выбраться. Старец сказал, что нужно идти на восток. Закатник³ был ветром капризным, неустойчивым. Если бы я была одна, то и разговору бы не было. Пошла бы прямо сейчас. Но вот с малыми, которые сейчас спали внизу, в подzemелье, поверху далеко не уйдешь. Уж больно у них одежонка ветхая. Надо бы поохотиться, да вот беда-затуга, не на кого здесь было охотиться! Ничего живого в этих лесах, наполовину уничтоженных пожаром, не было! Значит, идти придется под землей. По крайней мере, там отроки не замерзнут и не промокнут. И надобно было торопиться. Я это чувствовала всем сердцем. Уж больно слабым был ответ старца. Кабы какой беды с ним не приключилось.

Мысленно представила остальные два хода. Один из них поворачивал на юг. А значит, нам он не подходил. Стало быть, оставался только еще один ход, самый дальний. Скорее всего, именно им и ушли все, кто оставался жив из нашего Скита.

Ночь стояла в самой своей серединке. Я подняла разгоряченное лицо к небу. Там, закрытая звезды, плыли рваные облака, низко нависая над сгоревшими мертвыми деревьями, едва не цепляясь своими брюхами за острые, как пики, вершины погибших елей. Да... Не скоро еще в этих местах зашумят вековые чащи. Эх... Ладно. Сожалеть об этом сейчас – понапрасну тратить время и силы. Все равно уже ничего изменить нельзя. А вот поскорее разобраться со случившимся было нужно.

Поднялась на ноги и отправилась в подzemелье. Дети спали, как два лисенка в норе, свернувшись калачиком под моей изодранной рубахой. Хотела сначала разбудить ребят, так мне не терпелось двинуться в путь, но потом опомнилась, пожалела мальцов. И так, сердешные, намучились, плутая голодные, холодные одни одинешеньки по гиблым местам. Пускай хоть сейчас выспятся как следует. Присела рядом, прислонившись к каменной стене подземелья, и тоже прикрыла глаза. И мне нужен был отдых.

Я не спала. Я скользила по грани времен, а передо мной вставали образы. Матушка Феодосия со скорбными складками у губ. В ее глазах, цвета закаленной стали, была бесконечная печаль. Она смотрела прямо на меня, а губы ее беззвучно шевелились, произнося знакомые мне слова: «Храни тебя Род, дetyнька...» Я видела охотника со странным и немного смешным именем Ёшка, который качал головой и бормотал несуразное: «Дык... Как же энтó... Почто так-то...». И, конечно, я видела Глеба. Брови нахмурены, в синих глазах боль и отчаянное упрямство. Он не говорил, но я слышала его мысли. «Я найду тебя... Где бы ты ни была, я все равно тебя найду...» Я протянула к нему руки, стараясь дотянуться, чтобы хоть на мгновение почувствовать тепло его рук и прикосновение губ, но никак не могла. И тогда я закричала от боли, которая разрывала меня на части. Закричала дико и страшно, вкладывая в этот крик всю скопившуюся тоску и разочарование, свернувшиеся словно ядовитая гадюка в моей груди, из-за невозможности преодолеть разделяющее нас время.

Маленькие холодные ладошки прикоснулись к моим щекам, и тоненький голосочек испуганно проговорил над самым моим ухом:

– Варна...

Я встrepенулась, открыв глаза. В первый момент темнота меня ослепила, и только через несколько мгновений мое зрение настроилось на мрак подземелья, и я увидела рядом со мной девочку, сжавшуюся в комочек от страха. Проговорила поспешно:

– Не бойся... Все хорошо... Просто страшный сон приснился... – И тут же спросила: – Голодные...?

Вместо ответа девочка прошептала:

– Темно... Страшно...

³ Закатник – одно из имен западного ветра у древних славян.

Я опомнилась. Чего это я?! Дети ведь не могут видеть в темноте, как я... Кинулась зажигать факел. Когда свет вспыхнул, увидела перепуганные мордашки брата и сестры. Провела руками по лицу, прогоняя остатки видения. Пробормотала, повторяясь:

– Простите... Сон страшный... Есть хотите?

Вратка кинула быстрый взгляд на брата и неуверенно кивнула головой. Я достала одну лепешку киша и, разломив ее пополам, протянула детям. Пока они грызли спрессованные ягоды с вяленным мясом, проговорила:

– Я нашла своих... Кто-то из Рода выжил. Они ушли на восток. Далеко ушли. Мы пойдем к ним... Путь будет долгим, так что, ешьте, и мы отправимся. Пойдем под землей. Наверху холодно, а ваша одежда уже пообносилась. Вы там замерзнете...

Я говорила торопливо, уже понимая, что делаю что-то неправильное. Не должно детям знать о том, что предстоит трудное. Это может их напугать, а страх лишает сил. Не каждому в возрасте можно говорить такое, а уж отрокам-то и подавно. Но сейчас по-иному было бы неправильно. Девочка ела быстро, глядя на меня все еще испуганными глазенками, а ее брат жевал медленно, взгляд его был серьезен и сосредоточен. В его васильковых глазах отражалось пламя факела и ясно виделся вопрос. Думаю, им хотелось меня спросить, как же это я так «нашла своих», не уходя далеко. Но они сдержались. Вратка с сожалением посмотрела на последний кусочек, который держала грязными пальчиками, и, после секундного колебания, затолкала его в рот. Взгляд Данко потеплел, стал снисходительно-нежным, и он протянул сестре остатки своей недоеденной лепешки киша. Девочка взглянула на него виновато и тихо спросила:

– А ты разве не хочешь?

Мальчик, очень похожий в это мгновение на взрослого мужчину, проговорил немного снисходительно:

– Нет... Я уже наелся... Бери... – И бросил на меня выразительно предостерегающий взгляд. Мол, не вздумай возразить.

Я подавила тяжелый вздох, мысленно поклявшись в этот момент, что никогда не допущу, чтобы эти дети голодали.

Вратка, дожевывая остатки киша, с набитым ртом с любопытством спросила, обращаясь ко мне:

– А ты... Разве ты не хочешь есть?

Я покачала головой и, чуть усмехнувшись, проговорила:

– Не хочу...

Дождавшись, когда дети напьются из баклажки, проговорила:

– Сейчас наверху ночь. Но нам нужно торопиться. Поэтому выходим немедленно.

Данко, нахмутив брови, проговорил:

– Если нам предстоит долгий путь, то нам лучше пополнить запасы воды здесь, из озера. Мало ли, как там повернется. А воды в баклажке осталось совсем чуток...

Я про себя подсадовала на собственную беспечность. Как я сама не подумала о самом простом! Мои виденья из прошлого сбивали меня с мыслей, расслабляя своим сожалением. Сейчас мне это не надобно! Кивнула головой, соглашаясь:

– Ты прав... Вы посидите здесь, а я схожу за водой...

Я еще не успела договорить, как цепкие детские пальчики впились мне в рукав, и Вратка испуганно выпалила:

– Мы с тобой...

Брат глянул на сестренку неодобрительно, но, похоже, он тоже не хотел здесь оставаться без меня.

Глава 3

Из дупла я выбралась первой и, для начала, внимательно осмотрелась. Как и прежде, никого не было ни видно, ни слышно. Мне не нужно было даже посылать мысленный поиск, чтобы это понять. Только ветер по-прежнему шуршал пожухлой листвой в кроне старого дуба, да тучи опустились еще ниже, и казалось, что они висят прямо над головой. Как видно, они все же зацепились своими брюхами за острые, словно пики, верхушки сожженных деревьев, и на землю стала сыпаться мелкая снежная крупа вперемешку с дождем. Ребятишки, стоя в дупле, ежились от холода, вздрагивая при каждом порыве холодного ветра, и я решила, что не стоит им спускаться к воде вместе со мной. Придумала отговорку. Сурово нахмурившись, сухо проговорила:

– Вы, вот что... Из дупла – ни ногой. Будете сторожить вход. И, ежели почувствуете чего, сразу дадите мне знак. По птичьей кричать умеете?

Вратка испуганно замотала головой, едва сумев из себя выдавить:

– Я по-кошачьи могу... – И тихонько мяукнула, точь-в-точь как голодный котенок.

Я едва сумела сдержать усмешку:

– Здесь котов нет.

Данко хмуро буркнул:

– Я могу ухать филином... – И ухнул тут же, демонстрируя мне свое умение.

Получилось у него довольно правдоподобно, и я, не указывая детям на то, что в этом лесу уже нет никаких птиц, и любой птичий крик опытному уху покажется очень подозрительным, одобрительно кивнула:

– Добро... Если что почувствуете, то ухни три раза, понял? – Малец кивнул серьезно и солидно, преисполненный важностью предстоящей миссии.

Довольная своей маленькой уловкой, я стала быстро спускаться к озерку. Сполоснула баклажку и набрала в нее чистой холодной воды, и тут на меня накатило. Я почувствовала, как что-то темное, страшное охватывает небо со всех сторон. Замерла, словно превратившись в пень, и стала внимательно осматривать клубящиеся над головой тучи. Опасность, как ни странно, шла именно с неба. В этом я могла бы поклясться, но никаких звуков я не слышала, как бы не напрягала слух. Внезапно вспомнилась железная птица с гремящими лопастями, которую я видела в том мире, где жил мой любимый Глеб. Но здесь я отродясь не слыхала о подобном. Наши летательные аппараты были малочисленны и, к тому же, почти бесшумны. И тут я вспомнила, как Данко в своем рассказе о случившемся упоминал какой-то «разящий с неба огонь». Не было ли это как-то связано с тем беспокойством и тревогой, которая одолела меня сейчас? Но я была абсолютно уверена, что надвигается угроза именно с неба! И теперь было неважно, кто и как использовал подобные системы, а важно было другое: что им понадобилось над уже сожженной землей, где не осталось ничего живого?! Какая у этих невидимых врагов была здесь, в этом опустевшем крае, цель?! Мне на ум пришло только два варианта: либо эти неведомые супостаты каким-то неизвестным путем узрели или почувствовали нас, либо поблизости был еще кто-то, кого я не смогла почувствовать, а те, которые были на небе сейчас, смогли. Обе догадки были несуразностью, но ничего другого мне в голову не приходило. Но, на всякий случай, следовало побыстрее отсюда убраться.

Я не успела выполнить свое намерение, как вдруг сверху послышалось странное жужжание, будто издаваемое огромным пчелиным роем, и почти сразу же мрачные набрякшие тучи разорвал совершенно бесшумный столп ослепительного белого пламени. На противоположном берегу, разбрасывая снопы искр в разные стороны, вспыхнуло сразу несколько деревьев, которые умудрились уцелеть в прежнем пожарище. Раздался треск, и на том берегу с неба хлынул настоящий огненный ливень, сметающий все на своем пути. Не медля больше ни мгновения,

я кинулась к дубу, где остались дети, и откуда уже слышалось тревожное уханье филина. Все мысли о причине появления здесь этого странного и страшного огня из моей головы сразу же вывалились, оставляя только одно желание: поскорее скрыться с поверхности земли и спрятать детей. Поднявшись в мгновение ока по крутому обрыву, в несколько огромных прыжков я достигла дерева и почти завалилась внутрь дупла. Данко, растеряв всю свою солидность и неторопливость, захлебываясь от ужаса, твердил, как заведенный:

– Это разящий огонь... Он убьет нас всех... Нам не спастись. – При этом он судорожно прижимал к себе сестренку, вцепившись в ее худенькие плечи.

Вратка только тряслась крупной дрожью и смотрела на меня расширенными от страха глазами. Не говоря ни слова, я одной рукой сгребла девочку за шиворот и поволокла ко входу в подземелье. Ее брат шел следом сам, беспрестанно оглядываясь назад, словно в ожидании погони. В себя я пришла только когда мы оказались в подземелье, в крошечной темноте. Что это было?! Конечно, наши Рода владели многими удивительными способностями, например, владением стихиями. Но это были именно что стихии, а не какие-то непонятные явления. Как Глеб мне тогда объяснил, на их языке это называлось «технология». То есть человек, утратив все связи с окружающим его миром, отрезав от себя тем самым полностью все источники энергии, которые нам дарует Вселенная, придумывает всякие штуки, наподобие той железной птицы или оружия, изрыгающего огонь на большие расстояния, тем самым еще больше отделяя себя от единой системы жизни. И что-то мне подсказывало, что этот огонь изрыгнули не небеса, а именно вот такие «технологии». Только откуда они тут взялись? Кто привел их на нашу благословенную Мидгард-Землю? И тут я замерла, словно проглотила разом комок разъяренных диких пчел. А что если... У меня даже волосы на голове зашевелились от подобной мысли. Проклятый подменыш Мормагон уничтожил Грань! Но в этом мире ничего не исчезает бесследно. А вдруг этим он сдвинул миры?! Ведь эта Грань была не единственной на нашей земле, и все они между собой были связаны. И то, что уничтожает сейчас нашу землю, пришло именно оттуда, из другого времени, из другой реальности и, возможно, из другого пространства?! Но тогда...

Тихий испуганный шепот Вратки выдернул меня из моих раздумий и немного привел в чувство:

– Варна... Мне страшно...

Опомнившись, я прижала девочку к себе и прошептала:

– Ничего не бойся... Я ведь с вами, и я вас не оставлю. Сейчас я зажгу факел, и мы тронемся в путь. Нужно найти наших людей. А тогда мы разберемся со всеми супостатами. Они ответят за все, поверь мне...

В темноте послышался только тяжелый вздох. Кажется, малыши моего оптимизма не разделяли. Хотя после всего, что довелось пережить этим отрокам, это было и не удивительно. Я зажгла факел, пристроила баклажку себе на пояс, вскинула на плечи свой дорожный мешок и пошла обратно по подземному ходу, туда, где была развилка трех основных путей.

Дети шли молча за мной. Я, даже не оборачиваясь, чувствовала их страх и неуверенность, но останавливаться, чтобы как-то успокоить малых, не стала. Им придется привыкнуть самим справляться со своими страхами, иначе им просто не выжить в этом мире. К тому же, нам нужно было спешить. Я это чувствовала. Даже не так... Я это знала.

Первый привал я решила устроить на развилке, от которой, помимо трех «верных» ходов, шло еще несколько ложных. Ребятянка упала на пол, как подкошенная, а я попеняла себе, что надо бы побереечь мальцов, им ведь и так досталось. Но сердце мое рвалось вперед. Если бы могла, то сейчас бы бегом побежала, серым волком бы помчалась, потому как чуяло мое сердце и знал разум – время наше на исходе. Оставить детей одних в подземелье – тоже было негоже. Так что всего и оставалось мне, что, сцепив зубы и смирив собственное нетерпение, подчиниться обстоятельствам.

Подала детям баклажку с водой и по кусочку киша. Самой есть не хотелось. Что-то лихорадочное билось внутри меня запертой птицей, просясь на волю, не давая ни спокойно есть, ни спать. Знала я такое свое состояние. Обычно оно настигало меня перед решающей схваткой. Только вот сейчас я не видела пока врага, с которым нужно было бы вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть. И это меня раздражало неимоверно.

Данко на этот раз съел свою порцию всю, до последней крошечки. Жадно хлебнул воды из бутылки и хрипло проговорил:

– Вот он, тот самый разящий огонь, что спалил все леса и Скиты наши. Только чего бы это он сюда пришел? Здесь ведь уже ничего живого и не осталось...

Голос у парня был озадаченным, и страха в нем совсем не было. Это меня порадовало. А еще то, что мы с ним думали почти в одном направлении. Значит, малыцы уже начинают приходить в себя после всех страхов. И я задала ему вопрос:

– А скажи мне, отрок, что ты еще помнишь про этот огонь? Может, звуки какие перед тем, еще, может, запахи странные или какие другие необычности перед тем, как огонь с неба сошел?

Мальчик задумался, пытаюсь вспомнить, и тут его сестренка неожиданно выпалила:

– А я голос слыхала...

Мы оба уставились на девчушку в полном недоумении. Брат дернул ее за рукав драной рубашонки и сердито выпалил:

– Чего сочиняешь, баламошка ты эдакая?! Какой еще голос ты слыхала? Когда? Почто мне ничего не сказывала? Может, тебе со страху-то и поблазнилось?

Девочка надула губы и сердито буркнула:

– Вот потому и не сказывала, что знала, дразниться будешь... И... Сам ты, баламошка!!! Ежели ничего не смыслишь в том, о чем говоришь, то лучше бы тебе помолчать! Вот, Варна – она Знающая, она мне поверит! – И, подняв ко мне перепачканное круглое личико, с надеждой в голосе спросила тише: – Ведь правда же...?

Я поспешила ее успокоить, что, конечно, я ей верю. Впрочем, мои слова были вполне искренними. Ведь те, кто живет в единстве с миром, ничему не удивляются и ничего не отрицают. И если что-то попадает неведомое, то не отвергаем мы этого сразу, понимая, что встретились с чем-то таким, чего доселе просто не знали. Я присела на корточки, чтобы прямо смотреть в глаза девочке, и тихо проговорила:

– Смотри мне в глаза и вспоминай тот момент, когда ты услышала голос. – И добавила ободряюще: – Постарайся. Я знаю, у тебя все получится...

Детское сознание – это случай особый. Со взрослыми иметь дело куда как проще. У детей все хрупкое, мягкое, чуть посильнее заденешь – и сразу кровь во все стороны. Я это сделала как можно бережнее и осторожнее. Увиденное и услышанное не сказать, что потрясло меня, но свой след оставило. Я почувствовала тревогу и страх девочки, увидела ее глазами надвигающуюся бурю и услышала, как некий голос, отчаянно прокричал ей: «Беги!!! Спасайся!!!». Сила этого крика создала некоторую вибрацию, которую было невозможно не почувствовать. Я выскользнула из сознания девочки, стараясь сделать так, чтобы она ничего не почувствовала. И тут же задумалась. Голос действительно был, Вратка сказала чистую правду. Но вот что это за голос, мне было непонятно. Определить его принадлежность за тот короткий миг, что я его слышала, было невозможно. Я бы даже не могла сказать, кому он принадлежал, женщине или мужчине. Казалось бы, ничего особо настораживающего в этом голосе я не находила, но... Все же меня что-то смутно тревожило. Это выходило так, словно ты смотришь вперед, а боковым зрением видишь у себя за плечом некую неясную тень. Оглянешься, а там и нет никого, будто и не было. Но ты-то точно знаешь, что было. Только вот что?

По понятным причинам, вопросов девочке я задавать не стала, полагая, что она вряд ли на них сможет ответить, а беспокоить ее своими сомнениями сейчас не стоило. Ребятишки,

видя мою сосредоточенную молчаливость, уселись под стеночку, прижавшись друг к другу, словно два воробышка, и задремали. Переход до развилки дался им с трудом. Я не стала их тревожить. Устроилась неподалеку и принялась размышлять. Что же это был за голос такой? Может быть, это Род малышей оберегал их и в трудную минуту дал подсказку, а девочка, как самая чувствительная к тонкой энергии, его услышала? Может, душа погибшей матери предостерегала детей, помогая им избежать опасностей? Но ни на одно из предположений моя душа не отозвалась. Не было того самого «щелчка», который непременно случается, если ты находишь истину. Я стала думать, на что же это для меня было похоже? Но так и не сумела найти точного ответа, от которого в голове бы у меня прозвучал этот самый «щелчок». Меня в Скиту учили, что если песня не складывается, значит, не пришло еще то время. Поэтому я отложила себе «на полочку», в уголок сознания все эти вопросы. Настанет час, и я обязательно к ним вернусь.

Поглядела с сожалением на спящих детей. Жалко было их будить, но нужно было спешить. Все, что происходило вокруг, словно плетью подгоняло меня двигаться вперед. Предчувствие уже мне говорило, что могу опоздать, могу не успеть. Как обычно, причины этого тревожного состояния я пока найти не могла, но еще с раннего детства привыкла безоговорочно доверять своей интуиции. Можно, конечно, было попробовать применить знания, полученные мною в Скиту, но времени для соблюдения ритуала отстраненности, чтобы увидеть немного вперед дорогу судьбы, увы, не было. Да, собственно, я и не любила этого ритуала, не любила заглядывать вперед. Потому что выходило, словно бы я, наперекор богам, хочу изменить предначертанное. Но на этот раз от такого предвиденья я бы не отказалась. Наверное, потому что со мной были дети. Вдохнув тяжело, я осторожно дотронулась до плеча мальчика. Он тут же раскрыл глаза, испуганно глядя на меня. Я тихонько с сожалением проговорила:

– Нам пора идти. Еще один переход – и мы будем у выхода. Вот там и отдохнем. А пока, буди сестренку и в путь...

Данко с готовностью кивнул и очень бережно погладил девочку по растрепавшимся волосам, тихо с нежностью прошептал:

– Вратка... Проснись... Нам в дорогу пора...

Девчушка, не раскрывая глаз, сонно пробормотала:

– Я уже проснулась, Данек... Только еще одну минуточку, малюсенькую минуточку, ладно?

Мальчик посмотрел на меня с мольбой во взгляде, мол, только минуточку. Я грустно усмехнулась и покачала головой. Вручила парнишке факел, а сама, подхватив девочку на руки, пошла вперед. Вес у нее был словно у котенка, я его даже и не почувствовала. А то, что руки заняты, так пока в этом не было большой беды. Врагов здесь встретить я не опасалась.

Подойдя к нескольким темным провалам, обозначающим входы в следующие подземные коридоры, я на мгновение замешкалась, а потом решительно ступила в тот, что вел на восток. Девчушка на моих руках слегка завозилась и уткнулась носом куда-то под мышку, причмокивая во сне губешками. От умиления и какой-то необычной для меня растроганности у меня защипало в глазах. Что еще за глупости?! Раньше я подобной чувствительности за собой не замечала. А внутренний голос с усмешкой прошептал: «Так раньше ты была одна, а сейчас вас двое...». Все так, все верно... Скоро... Я улыбнулась в темноте своим мыслям, но тут же напомнила себе, что сейчас еще не самое подходящее время, чтобы предаваться мечтам.

Данко шел чуть поотстав, держа факел высоко над головой, пытаясь осветить мне путь. Убеждать его, что в свете я не нуждаюсь, не стала. Они и так напуганы всем происходящим и только-только стали доверять мне. Новые «чудеса» были сейчас ни к чему. Вратка проснулась примерно на середине пути. Слезла с моих рук, отряхнула неловким жестом смятую рубашонку, натянула на взъерошенные волосы измызганный старый платочек и, смущенно пробормотав слова благодарности, шмыгнула за спину брата и тут же принялась ему что-то шепотом

выговаривать, мол, почему не разбудил. Данко что-то ей бурчал в ответ. А я, слушая их сердитый шепоток, только усмехалась про себя. Кажется, вопроса о том, кто у них тут главный, совсем даже не возникало.

Вскоре коридор стал сужаться, потолки сделались совсем низкими, и мне даже пришлось пригибать голову, чтобы ненароком не разбить лоб. Это означало, что выход из подземелья уже совсем близко.

Этот ход выводил в одну из пещер на склоне невысокой горы, где на дне ущелья как раз и брала начало та самая речка Ёрза, на которой я выдержала свой первый бой с Мормагоном (подробнее об этом читайте в книге «На грани времен»). Правда, это случилось в самом низу потока, около самого устья, где река набирала полную силу, питаясь от многочисленных ручьев и родников, а вовсе не здесь. Но воспоминания о том бое меня кольнули, всколыхнув память как о самом событии, так и обо всем, что последовало за ним. В душе шевельнулась откуда-то взявшаяся мысль: «Все повторяется...» Эта мысль была не моей, словно кто-то невидимый мне ее прошептал на ухо. Складывалось ощущение, что кто-то незримо идет вместе с нами, контролируя каждый мой шаг. И это меня напрягало. К таким предупреждениям я всегда относилась очень серьезно. Вот и сейчас пренебрегать не стала, удвоив осторожность и внимание к окружающему, а особенно к собственной энергетической защите.

Перед самым выходом я остановилась, села на пол, сложив ноги калачиком, и прикрыла глаза. Мысленно нарисовала себе картину этого склона таким, каким я его помнила. Что-то мешало мне, раздражало, вызывая чувство некой досады непонятно на кого. И вообще, все происходящее мне ужасно не нравилось. Все было каким-то... неправильным, искривленным, что ли! Будто кто-то неведомый, незримой дланью направляет меня в нужном ему направлении. Создавалось чувство, что я участвую в некоем скоморошьем представлении. Чувствовать себя «бычком на веревочке» я не привыкла, да и не собиралась привыкать! Только вот цель этих «потешек» мне была пока не ясна. А также, кому это было надо?! Вот отсюда и возникала та самая досада, объяснить причину которой еще минуту назад я не могла.

Я покосилась на притихших ребятишек. Они что, тоже часть всего этого балагана? Нет... Что-то было тут не так и не то. Будто я гляделась в полированную серебряную пластину и видела там не собственное отражение, а чье-то еще, совсем мне незнакомое, и потомустораживающее и пугающее. Нужно было поскорее с этим разобраться, иначе я совсем запутаюсь. А вот для этого мне необходимо было разыскать Световлада. Со старцем вместе мы мигом распутаем эти закрученные узлы и выведем всех супостатов на чистую воду!

Он мне сказал, чтобы я шла на восток, только как далеко? Сосредоточившись, я отправила свою мысль в поиск. Очень осторожно, очень аккуратно, словно маленькая змейка-ужик, она заскользила по склону горы, выискивая все живое. Здесь было повеселее. Сразу же обнаружилось спокойно-синие искорки сознаний мелких зверушек и птиц. И совсем не пуганные. Значит, людей здесь давно не бывало. Я стала раскидывать свой поиск все шире, как рыбак раскидывает сеть, но ничего стоящего так и не «выловила». И вот, когда я совсем уже было разуверила, что смогу найти людей, моя мысль провалилась в... пустоту. Я затаила дыхание. За пустотой обычно всегда что-то прятали. Я и тут не ошиблась. За этой пустотой была еще одна пустота. Так озадачиться охраной, которую и создать-то было не очень просто, могли только Волхвы. Я постаралась зафиксировать в памяти место этой самой «дыры», потому что прибегать наверх к мыслепоиску будет не безопасно. Не знаю, почему я так решила. Возможно, я еще помнила огонь, который низвергался с небес на землю, и опасалась, что по моим мыслям неведомые враги легко смогут отследить меня на поверхности. Что-то мне подсказывало, что я была недалеко от истины.

Поднявшись на ноги, я достала из мешка несколько кусочков лепешек киш и отцепила от пояса баклажку с водой. На вопросительный взгляд детей строго проговорила:

– Я сейчас пойду наружу, а вы останетесь здесь. Когда я найду безопасный путь и место, вернусь за вами. Никуда отсюда не уходите. В подземелье полно ловушек, не зная пути, легко можете в них угодить. Поешьте, а потом отдохните, пока есть время. Здесь безопасно.

Я уже развернулась, чтобы идти, как Вратка тоненько пискнула:

– Ты нас не бросишь?

Я только усмехнулась:

– Мы своих не бросаем... – И, добавив в голос немного теплоты, закончила: – Не бойтесь... Я только найду подходящее для нас место и тут же вернусь за вами... – И подмигнула.

На лице девчушки появилась робкая, нерешительная улыбка. Мальчик тоже смотрел на меня с неуверенной надеждой в синих глазах. Я не стала больше ничего говорить, но на душе у меня было тяжело. Очень не хотелось малышей оставлять одних. Но и брать с собой в неизвестность их тоже не стоило. Если что-то снаружи пойдет не так, мне одной будет проще и уйти, и сражаться. Так что мое решение было правильным и мудрым. Но кошки все равно, почему-то, скреблись на душе.

Выход из этого подземного коридора находился под огромной каменной плитой. На первый взгляд, чтобы сдвинуть ее с места, потребовалось бы никак не меньше четырех здоровых мужчин. Но это была лишь иллюзия. Плита сдвигалась в сторону легким касанием руки, и с этим мог бы справиться даже ребенок, если... Весь фокус заключался в этом самом «если». Для того чтобы выход свободно открылся, нужно было знать маленький секрет, который знал любой представитель Рода, а вот чужаки его не знали. Знала его и я. Нажав на почти незаметный выступ у самой стены, я легко сдвинула плиту в сторону. Не оглядываясь на детей, я шагнула внутрь. Несколько грубо обтесанных камней, выложенных в виде недлинной лестницы, служили спуском, и вскоре я оказалась за каменным выступом в небольшой пещере. Прислушавшись и внимательно осмотревшись, я вышла из укрытия и выглянула наружу. Время было перед самым рассветом, и густой туман, поднимающийся со дна небольшого ущелья, закрывал рваными клоками склоны горы. Воздух здесь был прохладен и свеж. Я вдохнула полной грудью, испытывая чувство, близкое к блаженству. Ни тени гари или еще каких-нибудь неприятных или гнилостных запахов. Прель листьев, свежесть от воды и еще немного пахло близким снегом. Где-то в густых кронах раздался низкий свист сыча, маленького ночного хищника. Я почувствовала некоторое облегчение. Значит, не все еще потеряно, и есть шанс спасти нашу землю от неведомого врага.

Но особо расслабляться не стоило. По крайней мере, пока не доберусь до своих. А туман был мне не помехой, а напротив, защитой и прикрытием. Не зря его у нас называли «туман-заступничек», от чужого недоброго глаза прикроет и защитит.

Постояв немного у выхода из пещеры, я стала быстро спускаться по склону вниз, к самой воде. Для того чтобы найти мне то самое место, где моим мыслепоиском была обнаружена пустота, мне предстояло подняться по противоположному склону. Там, сбившись в несколько громоздких куч, торчали осколки громадных валунов – все, что осталось от когда-то несокрушимого городища волотов-великанов. Но после сильной катастрофы, когда Земля ДаАрия, великая прародина наших предков, ушла под воды Северных морей, что аукнулось для всей земной тверди Мидгард-Земли, крепость была разрушена, и волоты ушли глубже в лесные чащи на восток. Но они оставили в наследство множественные подземные ходы, которые наши Волхвы приспособили для секретных схронов вот на такой, как этот случай. Знающие говорили, что этими ходами изрыта вся гора, и простираются они аж до самого Беловодного⁴ моря. Но мне сие было не ведомо. Как и всем знающим, мне было известно о потайных схронах, но вот ничего более конкретного о них я не знала, да и не было нам раньше уж такой острой

⁴ Беловодное или Молочное море – одно из названий Северного Ледовитого океана у древних славян.

нужды в подобных укрытиях. А вот довелось, и пригодились те схроны, дайте боги здоровья волотам за такое подношение.

Глава 4

Спустившись на самое дно ущелья, я окунулась в серую влажную муть, будто оказалась в межмирье, где нет ни звуков, ни запахов, а только одно бесконечное ничто. Прислушалась. Там, где глаза не могут помочь, приходит на помощь слух и обоняние. Но ничего подозрительного я не услышала и не почувствовала. Тихонько журчала вода в речушке, больше похожей в этом месте на обычный ручеек, и едва было слышно, как с обнаженных веток берез, росших на самом берегу, в бегущий маленький поток звонко падают капли скопившейся влаги. Зачерпнула ладонями горсть воды и с жадностью напилась. От холода заломило зубы. Плеснула несколько пригоршней в лицо, и сразу стало легче. Тупая боль в висках, преследующая меня почти всё время нашего продвижения по подземелью, разом отступила, как будто лопнул тяжелый металлический венец, туго стягивающий голову. Поклонилась речушке, прошептав благодарственные слова, перепрыгнула по торчащим из воды плоским камням на другой берег и стала осторожно подниматься по склону к нагромождению скал, где, по моим представлениям, и должен был находиться вход в тайные схроны.

Мыслепоиском даже не пыталась пользоваться из-за опасения быть обнаруженной врагами, имени которых я не знала и облики их не видела. Впрочем, что значит «не знала и не видела»? У всех них, которых за многие тысячелетия пытались уничтожить наши Рода, было одно имя – «тьма». Пускай они выглядели по-разному и не всегда чудовищами, иногда и такими же людьми, как и все прочие, но сущность у всех них была одна – тьма, клубившаяся на том месте, где должен был сиять извечный и изначальный Свет живой души.

Чуть поднявшись по склону, я вышла из полосы тумана. Остановилась, оглянувшись назад. У меня вдруг возникло необычное чувство полета. Будто я летела на невидимых крыльях, а внизу подо мной расстилались облака. И мне внезапно захотелось подняться высоко-высоко в небо, почувствовать простор и свободу, досыта напиться холодными ветрами и увидеть сияние зари. На очень короткое мгновение я даже успела ощутить восторг от полета, почувствовав, как мои ноги отрываются от земли. Но сейчас это было ни к чему. Призвав себя к порядку, задумалась о собственном состоянии. В последнее время меня всё чаще бросало то в жар, то в холод чувств и ощущений. И это было совершенно несвойственно моему характеру, закаленному на ограничениях, нескончаемых суровых тренировках и трудностях, которых в Скиту было предостаточно. Скорее всего, всё внутри меня утратило гармонию равновесия из-за того, что во мне теперь зрела другая жизнь. Подобные «качели» собственных чувств и состояний мне не нравились. Видно, придется с этим как следует поработать, чтобы обрести прежнюю сбалансированность собственных эмоций. Возникла досадливая мысль, что всё у меня в этот раз не ко времени! Кругом такое, а я... Тут же себя одернула, положив руку на живот, виновато пробормотала:

– Прости, малыш... Я другое имела в виду... Ты у меня самый своевременный... – Мне показалось, или ребенок в утробе слабо толкнулся.

Я улыбнулась, сочтя это хорошим знаком, и чуть быстрее стала подниматься по склону вверх. До нагромождения камней оставалось не более десятка саженей, как виски у меня опять сдавило, в глазах потемнело. Показалось, что я с разбега пробила какую-то преграду собственным телом. А еще, что кто-то недовольный таким моим поведением заглядывает прямоком мне в душу. Я задышала глубоко и размеренно, чтобы унять колотящееся сердце. Это был внешний круг охраны. Я помнила это состояние. Поэтому просто попыталась расслабиться, открывая свой разум незримым стражам этих мест. Длилось это всего несколько мгновений, а потом всё отпустило, и я могла двигаться дальше. Ко второму кругу следовало подготовиться. Постаравшись выбросить из головы все посторонние мысли, я произнесла знакомое с детства славение своему Пращуру:

– *Велес, велемудрый, батюшка наш! Услышь славеса наши, обрати свой взор на дела наши, виждь нас, детей своих, мы пред твоим оком предстоим. Раденье тебе кладём, с чистотой сердец наших. На всяк день, аще и на всяк час, встань с духом нашим духом своим. Прими во ум твой деянья наши, и будь в них порукою...*

Еще не успела произнести последние строки, как почувствовала мягкое прикосновение к своему разуму, и тут же последовал вопрос:

– Кто ты? Чьего Рода-племени?

Я тут же мысленно ответила:

– Я – Варна... Знающая из Скита Матушки-Йогини.

Кажется, мой ответ озадачил вопрошающего, потому что последовала длинная пауза. Я ждала, расслабленно опустив руки вдоль тела, не сводя взгляда с огромных валунов, высившихся, словно каменные великаны, в нескольких саженях от меня. Мое нетерпение уже достигло своей наивысшей точки, когда я заметила в камнях какое-то едва заметное движение. Приглядевшись повнимательнее, увидела человека в темно-коричневой длинной до пят рубахе, подпоясанной тонким ремешком. Такой цвет носили волхвы-странники, те, которые, достигнув определенного возраста и состояния мудрости, ходили по нашей земле и несли свет знаний в самые отдаленные и глухие места. Но человек, которого я увидела, был довольно молод. В его густой темно-русой бороде и длинных, до плеч волосах не было ни единого проблеска седины. Черты лица были суровыми, словно высеченными из камня. Глаза темно-зеленого, словно еловая хвоя, цвета смотрели на меня с подозрительным прищуром. Крупные сильные руки лежали на навершии сучковатого посоха, который был одним из главных, помимо цвета рубахи, свидетельством того, что передо мной был действительно волхв-странник. Я про себя мельком подумала, что плохо наше дело, раз даже и странников в схроны созвали.

Человек сделал короткий шаг в моем направлении, еще раз оглядел меня с головы до пят и сухо бросил немного трескучим, словно сломанная ветка, голосом:

– Коли истину сказала... ступай за мной. А коли лукавила в чем, то берегись...

Я только головой качнула, мол, поняла... Обиды не держала. И не потому, что попросту не умела, а потому, что понимала, какое время настало и что без осторожности никак нельзя. Провожатый провел меня в небольшую пещеру и строго проговорил:

– Повернись спиной, глаза потребно завязать... да не вздумай подсматривать, а то враз ослепнешь...

Я просто головой кивнула, зная, что это были не пустые угрозы. Впрочем, для меня это не имело никакого значения, я и с закрытыми глазами могла видеть всё внутренним взором. Для любого отрока из нашего Скита это было просто детской шалостью. Но, думаю, темные такими способностями не обладали. Хотя подменыши, воспитанные в Скитах, тоже, навроде, были темными, а могли пользоваться внутренним взором наравне со всеми знающими. Ох-хо-хо... Чего понаделали эти вороги проклятые!!! Брат перестал доверять брату!!! Виданное ли подобное в наших Родах?! Всегда было проще: вот свои – вот чужие. А сейчас что же? В любой момент «свой» мог стать «чужим». И поди разберись, кто есть кто!

Мы шли по коридору, плавно спускающемуся вниз. Ширина и высота подземелий были внушительными. Я напредила себе, что обитали тут когда-то волоты-великаны, под себя и схроны делали. Под самым потолком светили небольшие шары, похожие на крупных светляков. Энергия, взятая напрямую из эфира, была обычным для нас делом. А вот в будущем времени, там, где я побывала, люди о такой простой вещи забыли, используя какие-то совсем уж примитивные приспособления. Одернула себя. Не время сейчас вспоминать о невозвратном. Сейчас о другом надобно думать было: как врагов одолеть. Потому как времени у меня оставалось не так уж и много. Всего-то-навсего, несколько месяцев-сороковников, а там уж и сын родится. И не хотелось бы мне растить его в подземных схронах. Ох ты, горе, горькое...

Так, за всякими невеселыми мыслями, я не заметила, как коридор, по которому мы шли с моим провожатым, окончился. Проход перегораживала каменная плита. Человек стукнул в неё несколько раз с особым ритмом своим посохом, гулким звуком отозвался камень. А через несколько мгновений плита почти бесшумно вползла внутрь стены, освобождая проход. Я шагнула за провожатым внутрь и замерла у порога. В комнате, больше напоминающей пещеру, кроме нас присутствовало еще три человека. Судя по цвету и яркости их внутренней энергии, все трое были Волхвами. Световлада я узнала сразу. И сердце болезненно сжалось, защемило. Его свечение было почти белым, только с легкой примесью голубоватого цвета. Правда, темно-синие всполохи говорили о его душевном напряжении и волнении.

Тут же раздался знакомый, с легкой хрипотцой, голос старца:

– Это она, Варна... Снимите повязку...

Тут же мягкая ткань исчезла с моих глаз, и первое, что я увидела, это фигура Световлада, стремительно направляющаяся ко мне с распахнутыми для объятий руками. С трудом сдерживая слезы, я опустилась на одно колено и склонила голову, тихо проговорила:

– Здрав будь, отче...

Все еще сильные руки старика крепко обхватили меня за плечи, подняли на ноги, и я оказалась тесно прижата к могучей груди волхва. Мы постояли несколько минут, замерев, словно камни, не в силах произнести ни звука. И, наконец, старик проговорил тихо:

– Я рад твоему возвращению, дочка. Но уж больно не ко времени ты...

Я, отстранившись от него, так же тихо проговорила:

– Богиня Среча не спрашивает нашего разрешения или согласия на выбор предназначения. Не от нас сие зависит... И мне, как и никому другому, не ведомы её замыслы... Но выбор, каким путем идти, всегда остается за нами. И уж коли я вернулась именно в сей час, значит, моё место здесь...

Световлад тяжело вздохнул и, кивнув головой, пробурчал:

– Всё так... Всё так... Только я-то о другом. Ну, да ладно... Мы тоже не простые куклы деревянные, на то нас Бог Род волей и наделил, чтобы с открытыми глазами и чистым сердцем делали свой выбор. Ладно... Об этом после. А пока, познакомься... – Он подвел меня к двум мужчинам, сидящим за столом и со сдержанным вниманием наблюдающими за нашей трогательной встречей. – Вот... , – он указал на плотно сбитого человека с окладистой седой бородой, насупленными, темными, без единого седого волоска, густыми бровями. Его темно-карие, почти черные, небольшие глаза смотрели на меня изучающе-пристально. Передняя часть длинных темно-русых волос была заплетена в две тонкие косицы, забранные под простой кожаный головотяг. Сильные руки с крупными ладонями больше бы подошли кузнецу, нежели волхву. – Это Лесьяр... Он из дальнего Скита с Запада. А это, – он указал на щуплого старичка с реденькой бородкой и очень пронзительным взглядом почти бесцветных, каких-то прозрачно-водянистых глаз. – ...это Окомир, он из Южных окраин. А это, – он указал своим соратникам на меня, – Это – Варна... Она моя воспитанница и Знающая из нашего Скита Матушки-Йогини...

Волхвы кивнули мне в знак приветствия головами, на что я вежливо склонила голову. Но по их лицам было заметно, что наше знакомство особой радости им не доставило, скорее, я вызывала у них легкое раздражение, так как, по-видимому, своим появлением прервала важную беседу, которую они вели до того. Кроме того, я сразу же ощутила легкие касания их поисковых мыслей. Они хотели знать, кто перед ними. Другими словами, ради кого они были вынуждены прервать свою беседу. Я, не колеблясь, поставила едва заметный загород на свое сознание. Коснувшись его мало кто мог понять, что это защита. Те, кто пытались прощупать человека, чтобы понять, на что он способен и чего от него ждать в дальнейшем, наткнувшись на этот незамысловатый щит, который и щитом-то в полном смысле этого слова не был, напоминала больше решето, чем твердый заслон, отступали обратно, сочтя, что никакими силами

эта личность не обладает, а если и обладает, то они, эти силы совсем невелики. Световлад, пряча в глубине своих темно-синих глаз усмешку, наблюдал за волхвами. Когда увидел скучающее выражение на лицах старцев, довольно хмыкнул и проговорил тихо, обращаясь ко мне:

– Вижу... Не утратила мастерства...

В ответ я только слегка пожала плечами, мол, некогда мне глупостями заниматься. Торопливо проговорила:

– Отче... Мне многое тебе нужно рассказать, и очень многое хочется спросить. Но со мной пришли двое малых отроков, коих я нашла по дороге сюда. Они чудом избежали ужасной участи всех людей из их Скита, в том числе и своих родителей. Я оставила отроков в подземном тайном проходе ожидать меня. Позволь мне привести их сюда... Они нуждаются в отдыхе и пище, а так же в утешении...

Световлад нахмурился.

– Почто сразу не сказала? – Громко стукнув посохом о каменный пол, обратился к появившемуся из коридора моему давешнему провожатому: – Избор... Встретишь малых отроков и сведешь их к матушке Хубаве. – И пояснил для меня: – Она знает, что с ними делать. – Потом, глянув на меня пристально, спросил: – Сама пойдешь, али Избору доверишь деток привести? – И пояснил, чтобы я не сомневалась: – Не смотри, что ликом суров, зато сердцем чист и душой добр, его детня любит...

Я подавила усмешку, глядя на сердито сдвинутые брови, и непроницаемое лицо Избора – «любимца детни». Ответила спокойно, стараясь, чтобы не звучало в голосе и тени недоверия или насмешки. Ни к чему людей напрасно обижать.

– Пойду сама... Верю, что брат Избор справится, но опасаясь, что дети испугаются, увидев незнакомца. А со страху и убежать могут. А тебе, отче, лучше всех известно, про коварство ловушек в наших подземельях. – С этими словами я отвесила легкий полупоклон в сторону волхвов. А Световладу тихо прошептала: – Я мигом, отче... – И вышла из комнаты-пещеры вслед за Избором.

Сначала мы шли молча, а потом мужчина, чуть смущенно проговорил:

– Ты прости, ну, что глаза пришлось завязать. Сама понимаешь, какие времена настали... А так-то я о тебе слыхал, Варна. – Чуть замедлив шаг, проговорил с каким-то мальчишеским любопытством: – Баят, что ты всеми четырьмя стихиями владеешь? Правда, али лгут?

Я усмехнулась:

– Мало ли чего бают... Больше слушай...

Избор насупился.

– Так, стало быть, наврали?

Не сбавляя шага, я обернулась на немного отставшего провожатого, и ответила чуть резче, чем хотелось:

– Сам говорил, времена сейчас трудные. Не след языком без дела чесать.

Мужчина нахмурился, и обиженно замолчал. До самого выхода он не проронил больше ни слова. Когда вышли наружу, буркнул:

– Сама справишься, иль с тобой идти?

Я покачала головой, коротко бросив:

– Справлюсь... А ты пока по округе посмотри, мало ли... Туман он, конечно, защитничек, только и враг его мутью воспользоваться может.

Избор на мою реплику только презрительно фыркнул, мол, учи ученого. Собственно, по сторонам мне глядеть было без надобности, да и советы «смотреть в оба» я давала так, чтобы не расслаблялись. Пока мы шли подземными коридорами, я успела легонько просканировать окружающее пространство. А еще, не погнушалась немного проверить и моего провожатого. У него было предрасположение к силе Земли, правда, он упорно считал себя повелителем огня. Хотя, огненная стихия ему никак не давалась. Сделала я это больше по привычке, стараясь,

чтобы мужчина ничего не почувствовал. Разумеется, говорить об этом я ему не собиралась. И так, кажется, умудрилась успеть его обидеть.

До входа в подземелье, где я оставила детей, добралась быстро. Были у меня опасения, что малыцы могут плиту, закрывающую выход из подземелья обратно захлопнуть, так, на всякий случай. Открыть-то я ее все одно смогла бы, да только времени пришлось потратить на это больше. Но опасалась я напрасно. Дети к плите даже и не приблизились. Сидели неподалеку, прижавшись друг к другу, словно двое зайчишек под кустом, и испуганно смотрели на меня. Я улыбнулась, чтобы прогнать их страх, и проговорила, как ни в чем не бывало:

– Пойдемте... Я нашла наших... Может там кто и из вашего Скита найдется. Может не все погибли...

На мгновение мне показалось, что мои слова испугали детей еще больше. Но это, разумеется, было глупостью. Просто, свет затухающего факела дергался тенями на лицах ребят, создавая иллюзию непонятной мимики. Вратка тут же сорвалась с места и кинулась ко мне, всхлипывая на ходу. Я подняла ее на руки и прижала лохматую головенку девчушки к себе. А она лопотала торопливо, словно опасаясь, что я не дослушаю ее до конца:

– Мы так боялись... Нет, не того, что ты про нас забудешь, а что с тобой может что-то случиться, а мы тут... и что же нам тогда делать?? Но ты пришла и теперь все будет хорошо, правда?

Я с готовностью подтвердила:

– Конечно, правда. – И обращаясь к мальчику, попросила: – Данко, прихвати мой мешок и загаси факел. Нам он теперь без надобности...

Спустившись к речке, я остановилась, чтобы хоть немного умыть детей, да напоить их чистой ключевой водой. Ребятишки оглядывались с опаской по сторонам, словно дикие зверушки, принюхиваясь к воздуху. Мои слова, о том, что бояться им более нечего, они, кажется, вообще не слышали. Чтобы побыстрее их успокоить, я потащила их наверх, к скалам, туда, где нас ждал Избор. Объяснив детям, что, мол, вот, этот человек сейчас отведет их к другим отрокам и все будет хорошо, я коротко с ними попрощалась, клятвенно заверив, что мы скоро опять увидимся. Не тратя больше времени, сама отправилась обратно к старцу. На насмешливый вопрос Избора, не заблужусь ли, только подмигнула ему, чем опять вызвала хмурую гримасу. Да, весельчаком Избор точно не был. Впрочем, нам всем сейчас было не до веселья. Хотелось побыстрее прояснить, что же такое происходит на нашей земле и что это за враг такой неведанный появился у нас в супротивниках, что даже волхвы на него управы найти не могут?

Поспешно шагая в сторону коридора, ведущего в нужном мне направлении, на ребятишек уже не оглядывалась, но затылком чувствовала, как они смотрят мне вслед. Не любила я долгих прощаний, тем более что, как я предполагала, расставались мы не на долгий срок. Стало быть, и печалиться было не о чем, а вот, от того, что детки пристроенные и в безопасности, испытала огромное облегчение.

Дорогу к пещере старца я помнила. По извилистым коридорам шла уверенно, словно всю жизнь здесь хаживала. Звуки моих шагов гулко отдавались среди каменных лабиринтов. Световлада я застала одного, и, не скрывая своих чувств, с облегчением выдохнула. Старец только усмехнулся, глядя на меня, но вопросов задавать не стал. Напротив, усадил меня на лавку возле большого дубового стола, и сдернул чистую холщовую тряпицу, накрывающую несколько небольших глиняных мис. В них оказались сдобные хлебцы, словно только что вынутые из печи, несколько кусочков отварного в травах мяса, от которого даже до сих пор поднимался пар. Еще там стояла корчажка с медом и в небольшой кринке очень аппетитно пах ягодный кисель. Видимо, старец успел распорядиться, чтобы все эти яства принесли, пока я ходила за детьми. От его трогательной заботы у меня потеплело на сердце. Я с трудом сглотнула слюну, поняв только сейчас, что с того самого момента, как я здесь очутилась, я ела всего один раз. Да

и то, половинку лепешки киш полноценной едой назвать было трудно. Световлад усмехнулся в седые усы, и проговорил ласково:

– Поешь, дитятко... Все разговоры потом... – А сам присел на другом конце стола, и принялся просматривать какой-то древний свиток, изо всех сил делая вид, что не обращает на меня внимания.

Но я чувствовала его короткие и тревожные взгляды, которые он бросал на меня изредка, когда думал, что я этого не замечаю. Я его хорошо понимала. Незнамо где и незнамо как болталась, а теперь вот она, явилась не запылилась. А тут такое кругом творится, что и не вышепчешь. И как понимать это мое внезапное появление, как, кстати, и исчезновение тоже? Я тяжело вздохнула. Да, разговор со старцем у нас предстоит долгий.

Мысли были невеселые, оттого, наверное, и еду я глотала, не чувствуя вкуса, так, только чтобы телу силы придать, потому как, понимала, что они мне вскорости ох как пригодятся! Закончив трапезничать, отодвинула все на место и остатки еды опять прикрыла чистой тряпичей. Подошла к Световладу, и тихо спросила:

– Готов ли ты, отче, выслушать обо всем, что со мной приключилось?

Старец вздохнул, и кивнув головой, принялся поглаживать свою седую бороду, как всегда делал в минуты особого волнения. Я уселась напротив него и тихо начала:

– Все произошло внезапно, когда я засаду врагов уводила подальше от Скита. Волчка к вам с ключом отправила, чтобы укрыли отроков, да стариков. Да вот сама неловка оказалась, ранили меня, и своей кровью по нечаянности я Грань напоила...

Я говорила не торопясь, ровным голосом, не вкладывая в свои слова никаких особых чувств. Простое изложение случившегося, будто и не со мной все это было. Рассказала и про Мормагона, и про его пещеры, в которых он страшные дела творил над великанами-волотами, превращая их в диких чудовищ. И про нашу с ним последнюю схватку рассказала, и, конечно, про Глеба и матушку Феодосию. Световлад сидел и внимательно слушал, не перебивая. Лицо его было сурово и сосредоточенно. И в то же время, в его глазах изредка вспыхивали огоньки не то восхищения, не то, одобрения. Разобраться в его чувствах я пока не пыталась. Но иногда, мне казалось, что мой рассказ оказался как никогда кстати, что он стал для старца каким-то недостающим звеном для того, чтобы у него сложилась большая и сложная картина, вся целиком.

Когда я закончила, он, протянул через стол свою ладонь и похлопал меня по руке, проговорив при этом тихо и участливо:

– Устала, поди, дитынька? – И не дожидаясь от меня ответа, продолжил с каким-то вдохновением: – А вот я сейчас велю нам сбитня бодрящего принести. И в голове просветлеет, и на душе полегчает. – И, поднимаясь из-за стола, повторил себе под нос: – Сейчас, сейчас...

Отдав распоряжение кому-то в коридоре, он вернулся на место за столом, и с сочувствием глядя на меня, проговорил:

– Не вини себя ни в чем... Во всем случившемся был неотвратимый замысел богов. Мормагон – отступник и враг, который должен был быть уничтожен. Тем более, после того как он сотворил такое с Гранью. К тому же, ты нашла своего Глеба, а это значит, тебя вела еще и богиня Лада. То, что тебя обратно позвали... В этом тоже нет ничего удивительного. Ты же знаешь, кому многое дано, с того многое и спрошено. А тебе, владеющей всеми четырьмя стихиями, дано очень многое. И без твоей силы нам здесь справиться будет сложно...

Я тяжело вздохнула и тихо проговорила:

– Все понимаю, отче... Но все одно, расставание с Глебом – для меня тяжелое испытание. Во мне часть его, – и добавила совсем тихо, – под сердцем сына ношу... Моего и Глеба... А тебе ли не знать, каково это, сыну без отца расти... – Тут я тряхнула головой, словно отгоняя печальные мысли, и проговорила совсем другим голосом: – Ладно об этом... Что случилось, случилось. И пока, изменить этого нам не дано. Ты Расскажи мне, батюшка, что же приключилось.

чилося с землей нашей. Что за враг неведомый напал на нас, что безнаказанно творит такое беззаконие?

Световлад вздохнул тяжело. Сложил на столе руки в замок, поглядел на них сосредоточенно, собираясь с мыслями, а потом ответил с каким-то вызовом:

– А сие мне неведомо...

От такого неожиданного ответа я даже глазами на него захлопала, едва удержав на кончике языка готовый сорваться вопрос, мол, как так, ты, да не ведаешь? Старец бросил на меня хмурый взгляд из-под насупленных бровей, видимо, ожидая, что я задам ему этот вопрос, а, не дождавшись, проговорил с нескрываемой горечью:

– Вот, видишь как... И я не ведаю... Все началось с того самого дня, как ты пропала... – Видя, как я встрепелась, он поднял ладонь, словно собираясь меня остановить, и сурово молвил: – Не вини себя... Тебе ли не знать, что рок не перешибешь обухом, ему только следовать можно. Это я только после понял, когда именно все началось. А сперва... Давай, все по порядку расскажу. Когда Грань поглотила тебя, я знал, что просто так, бесследно это событие не пройдет для нашего мира. Энергии, которые подвластны токмо одному Творцу, трогать не следует. А если человек вмешается в них, то тут уж жди беды. Потому у Грани сразу выставил караул. Но поначалу все шло, как обычно. А потом Грань словно в кипящий котел превратилась. Энергия из нее хлестала волнами, а потом все пространство вокруг загудело, закружилось темными тучами и схлопнулось. Воины, стоявшие в охране, едва в живых остались. Было понятно, что кто-то совершил кощунственный обряд, пытаясь подчинить Грань себе, но у него ничего не вышло толком. Теперь, после твоего рассказа, я понимаю, что это был Мормагон. А тогда понять это было трудно. Энергия обряда исходила не из нашего мира, и определить ее источник не было никакой возможности. Вот после того у нас все и началось. Сначала нападения врагов стали все чаще, напоминая комариные укусы. То там щипнут, обоз с товарами разграбят, то в другом месте на землепашцев наскочат, зерно уведут, али бортни с медом. И вроде как не сильно и не страшно, и почти без человеческих жертв. Но только стало все это повторяться все чаще и чаще. Дальше – больше. Ватаги стали многочисленнее, а разбойники в них – не какой-то там сброд изгоев, а словно бы воины натренированные. Будто кто-то им подсказывал, когда и где следовало напасть. И действовали эти ватаги слаженно, словно договариваясь между собой, чего раньше за ними замечено не было. При набегах своих брали не меха да дорогие сосуды али самоцветные украшения, а в основном все съестные припасы, да деток малых. В плен не сдавались. И, ежели такая угроза возникала, сами себя лишали жизни. И мне стало понятно, что одна рука управляет всем этим, с одного места поступают приказы. Нужно было сыскать это место. – Он вздохнул тяжело, глянул на меня и проговорил с грустным сожалением: – Как мне тебя тогда не хватало... – Я ответила старцу таким же тяжелым вдохом. Сказать ему мне было, увы, нечего.

Я подумала, что очень сильно сдал Световлад. Раньше я за ним не замечала, чтобы он так часто предавался бесполезным и пустым сожалениям. И только тогда мне в голову пришел вопрос: а сколько же времени прошло с тех пор, как я прошла сквозь Грань? Старец, словно угадав мои мысли, с короткой усмешкой проговорил:

– Дак, шесть лет тому уже минуло...

Особого удивления его слова у меня не вызвали. У времени нет границ, нет начала или конца. Все эти понятия придумали сами люди, чтобы как-то утвердить себя в этом мире. Поэтому недоумевать, что за год в том, другом времени здесь минуло шесть лет, я не стала. Приняла это как должное, кивнув головой. А потом решила вернуть волхва к прежней теме разговора:

– Так, все же, отче... Неужто Кашеи такую силу сумели собрать, что мы с нею справиться не можем?

Световлад вздохнул.

– Пытались мы силой мысли с ними бороться, только натыкались на пустоту. А с пустотой как сражаться? – Я с удивлением уставилась на старца. Он покивал головой: – Да, да... Ты не ослышалась. Пустота... Да не та, которой мысли прикрывают, а другая, у которой нет ни конца, ни края, в которой нет ни мысли, ни света. Словно и живых там нет, понимаешь? – Я все еще с недоумением глядела на старика, а он продолжил: – Потому и места того, где скрывался тот, кто управлял всем этим войском, сыскать мы и не сумели. Пробовали мы с ними и силами стихий бороться... – Я даже подалась немного вперед, а в глазах застыл немой вопрос, дескать, ну и...? Световлад усмехнулся, только вот не было в его усмешке особой радости: – На какое-то время стихии, вроде бы, разгоняли эти странные полчища...

Он опять замолчал, будто раздумывая, а я от нетерпения аж на месте заелозила, будто сидела на колючке. Не вытерпев долгого молчания, наконец, спросила:

– Отче... не тяни. Что значит, «на какое-то время»? И что, неужто ураган не разметал врагов, или земля у них под ногами не вздыбилась?

Старец как-то неуверенно проговорил:

– Да, навряд бы и земля дыбилась, и ураган разбрасывал войско их, а после они опять сбивались в один кулак, и даже, кажется, еще сильнее становились. Оружие у них странное. Бьет на расстоянии, и бьет не стрелами, не ядрами, а будто чистой силой, понимаешь? Вот тут и возникает загадка. Ежели человек не обладает даром, то есть, совсем никаким, раз мы улавливаем только пустоту на том месте, где должно быть свечение души, тогда откуда берется это их оружие и та сила, с которой они валят целые поселения? Ты ведь знаешь, даже у самих Кашеев можно видеть их сущность. Пускай цвета у них мрачные, темные, да ведь и они есть! И по интенсивности их сияния можно определить, какой силой они обладают! А тут – ничего!!! – От собственного бессилия старец по столу ладонями хлопнул так, что я чуть от неожиданности с лавки не свалилась. Не обращая внимания на тот эффект, который он на меня произвел своим жестом отчаянья, Световлад продолжил уже спокойнее: – Я вот подумал, что Кашеи горазды на всякие пакости. Они вон, в своих подземельях разные гадости творят, естество людей и зверей меняют, создавая немыслимых чудовищ, так и они, эти уроды ведь тоже свою сущность имеют, ты понимаешь?! Свет можно исказить, изменить, но нельзя его совсем уничтожить! – Он покачал головой, бормоча себе под нос: – Не понимаю... Не понимаю, откуда в пустоте берется сила!? – Тяжело поднял на меня взгляд и уже тише заговорил: – А потом, к этому черному войску прибавился огонь с неба. Сначала, очень быстро, безо всякого ветра, небо закрывает темными тучами. А после оттуда начинает литься, словно проливной дождь, белое пламя, которое выжигает все, и живое, и мертвое на земле. И укрыться от которого можно только в недрах земли, в каменных городищах, да подземных ходах, оставшихся еще с древних времен. А самое что странное, так это то, что природа этого огня непонятна. Только ясно, что не тот это огонь, которым мы владеем, который горит в наших печах и кострищах. Природа у него совсем не та, не наша, понимаешь? А потому и власти над ним у нас тоже нет. – Последняя фраза прозвучала как-то совсем уж обреченно, и он завздыхал тяжело, как-то совсем уж по-стариковски. А для меня это стало неожиданно. Я всегда знала старца другим. Крепким, сильным, с несгибаемой волей. Да, мне приходилось его видеть и в гневе, и в печали, но никогда я еще не видела его в унынии, с глазами, наполненными словно пеплом от пожарища, безысходностью. И это меня пугало. Сейчас становилось понятно, почему старец так сдал. Состояние бессилия было способно придавить кого угодно, даже и с такой несгибаемой волей, как у Световлада. А он, меж тем, продолжал: – А еще, не понять, как они нас находят. Появляется этот огонь всегда внезапно. Все происходит очень быстро. Все городища они уничтожили в позапрошлом лето. А вот Скиты сразу уничтожить им не удалось, потому как все они находятся в непроходимых чащах лесных, куда чужаки дорог не ведают. Но и с этим они справились. Осталось не так уж и много, до которых они еще не добрались. Все волхвы и знающие только тем и заняты, что выводят, да прячут людей по подземным схрамам. – И он с горечью закончил: – В тяжкие вре-

мена ты вернулась, детынька. Но помощь твоя может оказаться бесценной. А сейчас, ступай... Тебя проводят в твое новое жилище. Должен сказать, удобством здешние пещеры не уступают нашим деревянным домам, однако... все равно... Все не то. Вольного воздуха, звездного неба над головой, щебета птичьего, да листвы шурушания мне не хватает... – И он опустил голову, пряча от меня печаль в глазах.

Наверное, он отдал распоряжение раньше, а может, просто мысленно кого-то позвал, потому что сразу после этих его слов я услышала быстрые шаги в коридоре. И через несколько мгновений в пещеру стремительно вошел молодой и статный воин. Поверх льняной поддевки на нем были надеты кожаные латы с металлическими заклепками, ладно сидящие на его широкоплечей и статной фигуре. На широком, из кожи дикого тура пояском ремне висел в ножнах боевой меч. Светло-русые волосы перехвачены кожаным шнурком на затылке. Черты лица были правильными, сразу выдававшие его принадлежность к Роду: прямой нос, четко очерченная линия губ, на подбородке и над верхней губой едва-едва были заметны пробивающиеся шелковистые волоски начинающих расти усов и бородки, которыми парень, по-видимому, очень гордился.

Дойдя до середины пещеры, он остановился и отвесил поясной поклон Световладу.

– Звал, отче...?

Затем его взгляд переметнулся со старца на меня, и его глаза распахнулись в изумлении, а через секунду в них уже был восторг. И он воскликнул, едва сдерживая радость:

– Варна...!!! Неужто ты это??? Живая!!! Живая, отче!!! Слава богам!!! – Он сделал несколько торопливых шагов ко мне, но тут же остановился под суровым взглядом старца и пробормотал: – Прости, отче... Не сдержался... – Попытался он быть серьезным, но его губы, помимо его воли, все равно расползались в сияющей улыбке.

Я на мгновение прикрыла глаза, чтобы увидеть его сущность. Зелено-бирюзовая, словно весенняя зелень, энергия окутывала его своим сиянием. Я открыла глаза и с удивлением, сдерживая свой восторг, произнесла:

– Волчок... Ты ли это?!

Парень радостно закивал головой так часто, что я испугалась, что она у него может оторваться. А потом выпалил, изо всех сил стараясь сдержать свою радость:

– Только я теперь не Волчок, я теперь Волк...

Световлад, пряча в седых усах улыбку, произнес:

– Имянаречение уж как три лета тому прошло...

А Волчок, то есть, теперь уже Волк, с гордостью прибавил:

– Целых полтора лета в свободных волках бегал...

Это говорило о многом. Все мальчики, достигшие возраста имянаречения, должны были доказать свое право быть воином, чтобы защищать свой Род. Их отправляли на несколько месяцев в лес только с одним ножом. Редко какой отрок мог прожить один в лесу больше одного лета. А уж полтора лета могли выдержать только единицы, из которых потом вырастали настоящие воины-воеводы. И, глядя сейчас на этого статного воина, я с трудом могла представить его тем шустрим, вечно болтающимся у меня под ногами, лохматым отроком, каким мне помнился Волчок.

Световлад, опять сделавшись серьезным, проговорил чуть ворчливо:

– Ну будя... Волк. Отвели Варну в ее покои. Избор уже позаботился, он тебе и укажет, куда. – И потом, обращаясь ко мне: – Тебе надобно отдохнуть и как следует выспаться. Вечером будет большой совет, и я хотел бы, чтобы ты на нем присутствовала. А теперь, ступайте... Мне надо подумать...

Мы с Волчком (тьфу, ты! С Волком, конечно, с Волком) поклонились старцу и вышли из пещеры.

Глава 5

Не успели мы выйти из пещеры, как каменная плита за нами с шумом задвинулась. Видно, Световладу и впрямь надобно было побыть одному и подумать. Волк, шагавший бодро рядом со мной, с печалью заметил:

– После того как ты исчезла, старец, почитай, ни разу и не улыбнулся. А тут еще вон какая напасть на нас навалилась. Старец и вовсе не спит, не ест... Не говорит, а все больше буркает. Сам на себя не похожим стал. – Он остановился, огляделся быстро по сторонам и перешел на доверительный шепот: – И вообще... Думается мне, волхвы пребывают в растерянности. Надо полагать, ранее им такого врага встречать не доводилось. А главное... – Он заговорил еще тише, – мы его логова обнаружить никак не можем. Откель эти черные берутся, и вовсе неясно. Словно прямо из воздуха возникают и туда же исчезают после. И никто не видал ни их мертвых, ни раненых. Всех они с собой уносят.

Я с изумлением смотрела на юношу. В голове мелькнула какая-то мысль, юркая, как ящерка, и тут же скрылась в дальнем уголке сознания. Что-то в словах Волчка (вот же!! Опять спуталась!) напоминало мне что-то. Только вот что, сообразить я никак не могла. Прав был старец: мне нужен был нормальный отдых. Парень смотрел на меня выжидательно, но сказать мне пока ему было нечего. Я невнятно пробормотала:

– погоди, раньше времени пугаться... И с черными разберемся, дай срок.

Мой ответ не удовлетворил молодого воина. Он немного нахмурился и кивнул головой, мол, понятно, что ничего непонятно. Тем временем мы вышли в центральный коридор, по которому, выстроившись в шеренгу, могли одновременно пройти до двадцати воинов. Я оглядывалась с интересом по сторонам, восхищаясь мастерством тех, кто построил этот подземный город. Широкие арочные проходы, украшенные искусной резьбой, множественные ответвления, большие и малые. Кое-где в неглубоких нишах струились небольшие роднички, стекающие в каменные чаши, там же стояли скамьи из полированного гранита для тех, кто желал отдохнуть. Нам навстречу попался отряд воинов в точно такой же одежде, что была на Волке. Проходя мимо, они на мгновение замедлили шаг, склонив головы в вежливом приветствии. Но от меня не укрылись ни любопытные искорки в плутовских глазах, ни лукавые подмигивания, предназначавшиеся моему сопровождающему. Парень от всего этого сурово насупился и покраснел, сердито бурча под нос:

– Глазопялки неугомонные... Ну погодите... Опосля побалакаем...

Я только усмехнулась:

– Не обращай внимания, парень... Они ж не со зла... Шуткуют ребятишки.

Волк только головой тряхнул, словно отгоняя нехорошие мысли. Потом лицо его приняло прежнее сосредоточенное выражение, и он спросил:

– Варна, а правда бают, что ты была ПО ТУ СТОРОНУ и вернулась?

Я от недоумения даже остановилась.

– Ты про что? Про какую такую «ту сторону»? И вообще... Меньше слушай чужую болтовню, а больше полагайся на собственные знания и умения. Хочешь узнать точно, спроси прямо, а не пересказывай мне чужие сплетни! – Моя небольшая выволочка парню явно не понравилась.

Бросив на меня хмурый взгляд, он проворчал:

– Учишь, словно я отрок неразумный... Уж сколь годков-то прошло, а ты меня все Волчком считаешь. А я уж давно Волк, а не Волчок...

Я тут же повинилась:

– Прости, Волк... Ты прав... Я уходила, ты еще совсем малым был, а вернулась – воином стал. Сразу и не привыкнешь.

К парню мигом вернулось хорошее настроение. В его глазах вспыхнуло любопытство, и он спросил на выдохе:

– Расскажешь, когда можно будет, о том, где была?

Я усмехнулась. Может, летами он и стал Волком, а все одно, в глубине души все еще оставался тем же Волчком, каким я его всегда знала, почитай, от самого рождения. Кивнув головой, проговорила шепотом:

– Как старец позволит, обязательно расскажу...

Парень просиял улыбкой и проговорил проникновенно:

– Я всегда про тебя помнил и знал, что ты вернешься...

А я, плюнув на то, что он был «Волк, а не Волчок», привстав на цыпочки, ласково потрепала его по волосам, едва сумев дотянуться до его головы.

Вскоре мы свернули в более узкий коридор, который через несколько саженей опять разделился на два. Мы пошли по проходу, ведущему чуть вверх, а другой проход повел вниз. На мой вопросительный взгляд Волк охотно пояснил:

– На верхнем ярусе живут воины, волхвы и знающие, а на нижнем ярусе расположен детинец для отроков, женские и хозяйственные пещеры, а также склады с продовольствием, библиотека, ну и прочее. – И добавил, чтобы мне было понятнее: – Огонь врага очень уж силен. А на нижних ярусах самое безопасное место. Опять же, оттуда ведут длинные туннели, соединяющие нас с другими подземными поселениями. А здесь, наверху, первая и основная линия защиты. – И произнес совсем другим, каким-то немного разочарованным голосом: – Ну вот... Мы и пришли. Вот тут будет твоё жилище. – И он указал мне на вход, завешанный росомашьей шкурой с темно-коричневым блестящим мехом. А Волк с сожалением закончил: – Теперь мы расстанемся. Я приду за тобой вечером, чтобы отвести тебя на совет.

Поблагодарив парня кивком, я вошла внутрь. Пещера не была большой, но воздух здесь был свежий и прохладный. Система воздухопроводов была очень хорошо продумана. В небольшой нише стояла узкая лежанка, накрытая звериными шкурами. Деревянный стол, одна лавка – вот и вся мебель. На лавке, аккуратно сложенная, лежала чистая одежда. А на столе, накрытый тряпицей, стоял кувшин с горячим сбитнем и краюха свежего хлеба, от которой шел одуряющий хмельной запах. Из комнаты вел еще небольшой проход. Я шагнула внутрь и обнаружила там еще одну небольшую пещерку с водоемом в виде большой полированной каменной чаши, в которую струился поток чистой воды. Избыток вытекал в другое отверстие, расположенное в верхнем крае этого бассейна. На краю чаши в углублении, сделанном специально для этого, лежала мягкая белая глина, заменяющая нам мыло. Все было приготовлено, все продуманно. Световлад был прав. Здесь было весьма удобно. Скидывая с себя грязную одежду, я подумала, что обязательно при встрече поблагодарю Избора за заботу.

Я не помнила, как после купания я добрела до лежанки. Только помнила запах дикого хмеля, которым был набит валик в изголовье, и последней мыслью, мелькнувшей у меня перед тем, как я окончательно провалилась в сон, была мысль о матушке Феодосии, которая пела пышные хлеба на хмельной закваске.

Кто-то звал меня по имени: «Варна...» Я открыла глаза и увидела перед собой... Глеба. Все вокруг было залито туманом, и его лицо проступало сквозь эту дымку очень нечетко. Я хотела соскочить, но не смогла. Тело было словно налитое свинцом. Я едва могла пошевелить губами, чтобы произнести его имя:

– Глебушка... Прости...

Он смотрел на меня укоризненно и печально, повторяя тихо мое имя:

– Варна... Варна... Почему ты оставила меня, Варна...? Как мне теперь жить без тебя?

Я опять предприняла попытку подняться, но у меня получилось только немного приподнять руку. Я изо всех сил пыталась хотя бы кончиками пальцев дотронуться до Глеба, чтобы

почувствовать его тепло. Но как я ни тянулась, достать до мужа так и не получалось. Слезы душили меня, и я, глотая их горькую соль, прошептала едва слышно:

– Я вернусь... Глебушка, любимый... Я обязательно вернусь...

Лицо Глеба стало отдаляться от меня, и вскоре молочная пелена вовсе скрыла его образ из моих глаз, и только тихий шепот заполнял всю мою сущность тоскливым и горестным «Варна-а-а...»

Я открыла глаза. И не сразу поняла, где я нахожусь. Приглушенный свет из-под сводчатого потолка, тихое журчание воды из соседней пещеры. Конечно... Я в подземном городе! Провела ладонью по лицу, и ладонь стала мокрой. Значит, я все же плакала, и мне это не приснилось. Привиделось мне все остальное, или Глеб действительно пытался прорваться сквозь изуродованную Грань? Это было опасно, очень опасно для него. Матушка Феодосия знать должна об этом и вразумить внука. Хотя... Зная упрямый характер Глеба, вразумить его было не так-то уж просто.

Мысли о муже прервал уже знакомый мне голос Избора, звучащий за пологом из шкуры росомахи:

– Варна... Вставай... Совет начнется совсем скоро. Световлад послал за тобой, велел привести...

Прокричав ожидающему: «Я сейчас!», я кинулась одеваться. Через несколько минут мы с моим провожатым уже шагали торопливо по каменным лабиринтам коридора, направляясь в зал, где будет проходить совет. После последней нашей краткой беседы, когда я его немного осадилась с его расспросами, Избор со мной почти не разговаривал. Наверное, обижался. Я решила не обращать на это внимания и поблагодарить его за хлопоты по моему поселению. Начала незатейливо:

– Спасибо тебе, Избор... За заботу спасибо. – Он удивленно вскинул на меня взгляд темно-зеленых глаз.

Пробормотал с некоторым недоверием:

– Да, не за что... Я только жилье тебе определил, а все остальное – это наши помощницы из нижних ярусов... И одежду тебе подобрали, и еду, и все остальное тоже они...

Кажется, он не верил, что я способна на благодарность. Скрывая усмешку, я произнесла спокойно:

– Если сможешь, передай и им мою благодарность тоже... – А потом добавила: – А скажи, Избор, где же Волк? Он сказал, что сам за мной придет, чтобы отвести на совет...

Мужчина при этих словах опять нахмурился, а я про себя подосадовала. Он теперь все мои слова будет воспринимать как некое мое недоверие к нему или как? Поэтому торопливо пояснила:

– Не пойми превратно... Ничего не имею против того, что ты меня сопровождаешь на совет. Просто Волк обещал и не пришел, и я волнуюсь за мальчика...

Избор бросил на меня недоверчивый взгляд и пробурчал:

– Пришло сообщение о нападении черных на верхний схрон. Оттуда еще не всех успели вывести. Вот наши воины и кинулись туда на подмогу... И Волк с ними...

Это известие не внесло покоя в мою душу, но и паниковать раньше времени я не собиралась. Мальчик хороший воин, он справится и не даст себя убить. Избор, глядя на мое задумчивое лицо, вдруг спросил:

– А Волк, он что, родич твой?

Я хотела было опять сказать, что тот, кто много болтает, мало живет, но обижать Избора не стала. Просто ответила:

– Мы здесь все родичи, дети от одного отца, от Рода...

Заседание совета проходило в огромной пещере. Когда мы с Избором явились, заседание совета уже шло. Мы, стараясь не привлекать к себе внимания, прошмыгнули по самому

краю и уселись на расставленные по периметру плоские камни, которые служили здесь сиденьями. Шестнадцать старцев, включая и нашего Световлада, сидели несколько особняком ото всех остальных. У всех в руках были сучковатые посохи, у каждого из своей породы дерева. Это были Верховные Волхвы. Немного в стороне, по другую сторону от главного входа, сидело человек тридцать волхвов и знающих. Среди них было четыре женщины. Я окинула их быстрым взглядом, едва касаясь их энергий. Все четверо владели силами Земли. Все верно, женщинам эта стихия была более близка. Земля-Матушка так же родит, как и женщина, а значит, суть у нас одна и энергия одна, светло-коричневого цвета, как кора у молодой рябины.

Говорил седой волхв, имени которого я не знала. Рассказывал о том, что увидел и сумел понять о черном воинстве. Затаив дыхание, все внимательно слушали. Волхв говорил, что Кашеи для нападения собрали всех подмёньшей по родам, всех своих перевертышей, а также кинули в бой всех тех, над которыми в своих пещерах творили страшные непотребства, изменяя изначальную, заложенную Творцом суть. А у меня почему-то не очень все складывалось. С чего бы я ни начинала, мысли мои все время упирались в порушенную Грань.

Понятное дело, Волхв был прав: все это затеяли Кашеи, тут и спорить было не о чем. Кому, кроме темных, живущих в Пекельных мирах, могло потребоваться уничтожать людей Расы? Но вот силы они призвали на свою сторону... Конечно, уверенности у меня в этом не было. Да и, честно говоря, даже и догадок особых не было. Так, какие-то неясные домыслы мелькали в голове, ухватить за хвост которые у меня никак не получалось. И если бы я не побывала в другом времени, то, наверное, подобных мыслей даже бы и не возникло. Но теперь, увидев, что случится с нашим миром в будущем, я лучше и глубже понимала самую суть того, что происходило в этом времени здесь, на нашей земле. Понятное дело, брать слово и выступать на Совете я не собиралась. Да и не к лицу девчонке вроде меня учить убеленных сединами старцев уму-разуму.

Световлад время от времени кидал на меня вопросительные взгляды, мол, сказать ничего не хочешь? Я в ответ тихонько качала головой. Во-первых, я не была членом совета в полном смысле этого слова, а во-вторых, я не была уверена в своих выводах. Для начала нужно было во всем разобраться самой, все проверить, понять, а уж после... Додумать до конца не успела, потому что слово взял Световлад. Своим надтреснутым голосом он проговорил, оглядывая всех собравшихся внимательным взглядом синих глаз:

– А что нам скажут знающие? Что они думают о том, как можно победить черное войско?

Знающие стали подниматься по одному, чтобы высказать свои предложения или суждения по поводу того, как суметь победить этого врага. Все мыслями сводились к одному: необходимо понять природу происходящего. Другими словами, понять, что за огонь низвергается с небес и почему черное воинство столь непобедимо. Для этого предлагалось отправить лазутчиков из знающих в лагерь врага, чтобы выведать как можно больше об их сути. Я была согласна со всеми, только была одна заковыка: никто не знал, где этот самый их лагерь находится. И даже Верховные Волхвы при всей своей, по сути дела, неисчерпаемой и почти безграничной силе не могли его обнаружить. И это настораживало и пугало одновременно. Уж если Верховные не могли, то что тогда было говорить обо всех прочих?! Но была у меня одна мыслишка на этот счет... Только нужно было дождаться конца Совета и поговорить со Световладом. Без силы одного из Верховных Волхвов мне было, увы, никак не справиться.

Как Световлад выразительно не смотрел на меня, я решила в этот раз голоса не подавать. Что попусту воздух языком перемалывать, если точно я ничего не знаю? А догадки...? Они догадки и есть. Дождавшись, когда все разойдутся, я подошла к старцу. Он хмуро окинул меня с ног до головы своим пронизательным взглядом и проговорил неласково:

– Почто смолчала? Почто не рассказала о том, что видела по ту сторону Грани? Думаю, это было бы всем полезно знать...

Ничуть не смутившись от его «полуупреков», я ответила:

– Преждевременно, отче... И так уже по городищу ползут всякие слухи, что я была по ТУ сторону и вернулась. Думаю, это ни к чему. В смысле, ни к чему всем знать, где я была и что там видела. – Я многозначительно посмотрела на волхва.

Он, чуть прищулив один глаз, протянул с недоверием:

– Неужто, думаешь... – И он многозначительно замолчал, продолжая сверлить меня взглядом.

Наверное, если бы я не побывала в том времени, где побывала, у меня бы тоже вызывали недоумения подобные предположения. Ведь основой всего нашего мироощущения было только одно – чистые помыслы. Но теперь... Я видела, что произошло с нашими Родами и как Кащеи могут исподволь, понемногу, по капельке вползать в наш разум, пользуясь его открытостью и некоторой наивностью. Менять там при помощи кривды все наше мировосприятие, делать нас слепыми и глухими, отрывая нас от своих корней, от памяти Предков. Нашим Родам были не свойственны такие качества, как коварство, ложь, предательство, но... Вот именно, что «но»! Теперь я понимала, что и самые чистые намерения можно использовать в грязных и недостойных целях. Наши враги коварны и безжалостны, а мы хотим победить их в открытом честном бою, так сказать, на равных! Но они не равные нам! И никогда не будут таковыми. И они, понимая это, ни за что и никогда не простят нам того, что они не такие, как мы, и никогда не смогут стать такими.

Отвечая на невысказанный вопрос старца, я кивнула головой:

– Вспомни Мормагона... Или ты думаешь, что здесь не осталось подменышей? Или что черные семена уже не проросли сквозь толщу каменных сводов? Не обольщайся, отче... Я согласна с тем, что говорили на Совете. Для начала нужно обнаружить место, откуда к нам приходят эти черные воины. А затем выяснить, что это за воины такие? Какого они роду-племени? А уж дальше постигать и природу того огня, что падает на наши головы с небес, сжигая все на своем пути. И времени для этого у нас остается все меньше и меньше. Чую я, грядет что-то страшное, то, к чему мы еще пока не готовы. И чем быстрее мы это узнаем, тем быстрее поймем, как с этим злом бороться. – Я посмотрела внимательно на старца и спросила, осторожно подбирая слова: – А скажи, отче... Ты не думал, что все это черное воинство... оно не из нашего времени?

Световлад удивленно поднял брови. Глаза его вызвали крайнюю степень удивления. И он произнес:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что Кащеи, нарушив порядок и закон Вселенной, использовали Грань к своей выгоде?

Я пожала плечами:

– А почему нет? Ведь меняют же они суть существ, в том числе и людей, чтобы создавать жутких чудовищ? И плевать им на законы Вселенной и всего мироздания...

Старец хмуро глянул на меня. Его сильные пальцы крепко сжали навершие посоха, а губы сурово сжались. Помолчав несколько мгновений, он проговорил глухим голосом:

– Они знают, какое наказание ждет тех, кто пренебрегает этими законами Творца. И знают, что кара будет неотвратима. Их души и души их потомков лишатся бессмертия за такое кощунство! И ты хочешь сказать, что они пойдут на это ради обычной власти?

Я пожала плечами.

– Не знаю, отче... Но если все-таки они на это пойдут... Это бы могло объяснить, почему мы не можем найти, где они прячутся, эти черные воины, и то, что поливает нас с неба огнем. В любом случае, утверждать, что мои догадки верны, я не берусь, пока не разведаю все как следует. – И закончила свои размышления конкретным решением: – Стало быть, я пойду одна... И никто, кроме самого узкого и доверенного круга людей, не должен об этом знать. Понимаю, что мой уход потребует какого-то здравого объяснения для всех остальных. Думаю, версия

о том, что я намерена проверить близлежащие Скиты на предмет поиска там оставшихся в живых, будет выглядеть вполне правдоподобно. Как ты мыслишь, отче?

Световлад горько усмехнулся.

– Похоже, ты уже не нуждаешься ни в моем совете, ни в моем одобрении... Ты стала совсем другой, Марфа...

Я вспыхнула от негодования. Мне казалось, что старец меня несправедливо обвиняет в самости и пренебрежении. К тому же то, что он назвал меня моим истинным именем, что случилось не так уж и часто, а только в самые трудные и ответственные моменты, усилило в моей душе всю эту бурю чувств. Я в запале попыталась ему возразить, но Световлад поднял ладонь, словно умиряя кипевшие во мне страсти, и властным голосом проговорил:

– Охолонь!!! Не для того сие сказано, чтобы тебе обиду учинить! Отдаю должное твоему умению и духовной силе, которая, как я чувствую, возросла после возвращения из-за Грани в несколько крат. Но и ты не можешь ведать всего, и не от тебя все зависит. И гордыня – это вовсе не та черта характера, которая пристала знающей! А тем более такой знающей, как ты, которая владеет всеми четырьмя стихиями!

Глаза его сверкали, а голос гремел под сводами. Сейчас никому бы в голову не пришло назвать Световлада «старым» или «уставшим». Нет... Силен еще старец и способен на многое. Я сникла от его слов. Прав... Во всем прав... Что я о себе возомнила? Что могу и знаю все? Что мне старейшие Волхвы не указ, а я такая-растакая, вся из себя умная-красивая? Краска стыда залила мое лицо, и я, едва сумев поднять на него глаза, пролепетала едва слышно:

– Прости, отче...

Световлад как-то сразу успокоился. Присел на каменное сиденье, опершись двумя руками на посох. Проговорил уже тихо и доверительно:

– Марфенька, я ведь знаю тебя так, как родители знают своего дитя. Я учил тебя понимать, что есть наш мир, лелеял и пестовал твою силу. Я всегда верил тебе, и сейчас верю. Битва с Мормагоном закалила тебя, перебросив на несколько ступеней вверх. Но то, что надвигается на нас... Такого еще не было. Думаю, твое предложение отправиться на разведку одной я отклоню. Одну не отпущу, так и знай. А вот о том, что здесь, среди наших Родичей, могут быть подменыши... Тут ты, пожалуй, права. И нам следует держать ушки на макушке. Я поговорю с остальными Великими, чтобы провести осторожно проверку всех, кто находится здесь. Только нам это под силу, сделать так, чтобы никто и ничего не заметил. А ты пока подумай, кого захочешь с собой взять.

Я раздумывала не дольше секунды. Ответила сразу:

– Пожалуй, Волчка возьму... – Световлад насмешливо хмыкнул, и я быстро поправились: – Ну, я имела в виду Волка... – И тут уже сама фыркнула: – Тьфу ты!!! Прости, отче, никак не могу привыкнуть, что он уже Волк!

Световлад только головой покачал:

– Передо мной-то не оправдывайся... Я-то тоже все забываю, что он уже не Волчок. А вот при нем старайся себя держать в руках. Обижается парень, когда его детским прозвищем-то зовут. – Потом, посерьезнев, задумчиво проговорил: – Думаю, возьми-ка еще с собой и Избора... Думаю, он пригодится. Не смотри, что простоват. Владеет силой огня, правда, силой небольшой. Для полноценного знающего слабоват, опыта ему не хватает. Но умом быстр. И в том, что касается поисковых мыслей – ему тут нет равных.

Я недовольно сморщилась, что не укрылось от взгляда старца. Он досадливо покачал головой, а я тут же попыталась объяснить:

– Не сердчай, отче... Просто думала, что одной мне будет ловчее и незаметнее. А тут уже целое войско собирается... Хотя, может быть, ты и прав. Для той байки, что собрались всем рассказать, мол, дескать, по скитам пошла искать уцелевших, одной-то больно подозрительно было бы идти. Добро... На том и порешим. Завтра с рассветом и отправимся.

Глава 6

По распоряжению старца меня проводили сначала в оружейную, а потом и в кладовые, где хранилась одежда и съестное. Хмурый старик с седой бородой чуть не до колен, с сутулыми плечами, согбенными под тяжестью прожитых лет, с крупными чертами лица, костистым телом и подозрительным оценивающим взглядом ходил за мной по пятам, гремя ключами. Похоже, характер он имел бурчливый, если не сказать, мухоморный. Но, судя по порядку, царившему в кладовых, ключником был отменным. Одна рука у него была увечная. Толстый бордовый шрам, начинающийся с кисти правой руки, уходил под рукав рубахи, стягивал костлявые пальцы с толстыми фалангами в птичью лапку. Такие шрамы оставляли боевые топоры. Видимо, в прошлом Вороха (так звали ключника) был славным рубакой и добрым воином. Он поймал мой взгляд и нахмурился. Буркнул сердито:

– Чего пялишься...?! Коли пришла по делу, так делом и занимайся...!

Я поклонилась и проговорила виноватым голосом:

– Прости, старче... Любой воин достоин почитания и славы. А раны его священны. Прими и ты от меня уважение и почтение. Не было у меня дурного умысла. Просто я понимаю толк в ранах и могла бы помочь тебе исправить твою руку. Прежней, конечно, она не станет, но двигаться будет и еще тебе сможет послужить. Вот вернусь обратно после вылазки и попробую тебе помочь, коли на то будет твое желание.

Старик посмотрел на меня сердито и недоверчиво, но в глубине его карих глаз зажегся слабый огонек надежды. Пожевав губами, он проговорил по-прежнему бурчливо:

– Ладно... Там увидим... А пока займись делом.

Я выбрала для себя боевой топорик, тугой лук с колчаном, полным стрел со срезнями, хороший удлиненный клинок из закаленной стали и несколько десятков легких железных перьев в специальной кожаной суме, одевающейся на пояс. Вороха смотрел на то, как я выбирала оружие, придирчиво осматривая закалку металла, остроту лезвия, проверяя топорик с ножом на сбалансированность, и с удивлением качал головой, да вздыхал. Потом проговорил, словно бы самому себе под нос, все тем же ворчливым голосом:

– Эхе-хе... Дожили... Девка вместо того, чтобы бусы да ленты выбирать, оружие глядит... Что за времена настали...

Я, отвернувшись от старого ворчуна, только усмехнулась, оставив его фразу без ответа.

Выбор одежды занял у меня меньше времени. Я выбрала обычные кожаные штаны темно-коричневого цвета, пару льняных рубах, свитку из овечьей шерсти, жилетку из меха волка с капюшоном от ветра и дождя, легкие сапоги из лосиной кожи, ноги в которых ни в болоте не промокнул, ни в снегу не замерзнут. В добрую непромокающую суму я собрала запас продовольствия на несколько дней, сухие травы в мешочках, склянку с ранозаживляющей мазью и прочие мелочи, что могли бы потребоваться в дороге. На выходе из кладовых на меня налетел запыхавшийся Волчок, который теперь уже был Волк. Едва не сбив меня с ног, проговорил скороговоркой:

– С ног сбился тебя искать...

Я только головой покачала:

– ...А раз сам сбился, то и меня решил за компанию сбить? Чего меня искать, заполошный... Завтра утром выступаем. Надобно в дорогу подготовиться. Тебя ведь Световлад известил?

Волк просиял счастливой улыбкой.

– Ну да... Я только после очередной вылазки вернулся, как старец к себе призвал и все мне обсказал. Велел тебя во всем слушаться. – И вдруг добавил с мальчишеской, немного смущенной улыбкой: – Поди помнишь, как меня в ранешние времена-то с собой брать не хотела...

А теперь вот... По воле старца вместе пойдем. – И тут же, словно спохватившись, протараторил: – Ты мне сказывай, когда выступаем-то? А то ведь мне еще и Избора уведомить надо, да и в дорогу собраться. И на сколько идем? На день, на два?

Я хмыкнула:

– Провизию взяла на неделю, а там видно будет. – Волк на меня вытаращился с изумлением, но тут же опомнился и изобразил готовность ко всему и в любой момент. Я чуть не приснула от смеха, глядя на его молниеносные перевоплощения. Но закончила строго: – Выходим по темному времени, часа за два до рассвета. Ждать вас буду у выхода. Опоздаешь – уйду одна.

Молодой воин чуть обиженно насупился.

– Чего это, «опоздаешь»? Когда это я опаздывал?

Я ему подмигнула и проговорила нараспев:

– Все когда-нибудь случается впервые... – И добавила уже серьезно: – Найди Избора и предупреди его о времени выхода.

Волк кивнул головой, развернулся на пятках и понесся вдоль по коридору, словно за ним кто-то гнался. Я вздрогнула от неожиданности, когда позади себя услышала ворчливый голос Ворохи:

– Эхехе... Молодо-зелено... Ветер еще в голове гуляет.

Я, чуть прищулив один глаз, заметила с легкой насмешкой:

– А тебе-то, дед Вороха, сколь зим сравнялось, когда ты пустил свою первую стрелу во врага, да верхом сел на коня? – Ключник на мой вопрос только вздохнул тяжело. А я закончила тихо: – Вот, то-то же... Не в летах дело. А в том, какой огонь горит в сердце у человека. Ладно, спасибо за прием, за ласку. Бывай, Вороха. Как вернусь, так начнем твою руку лечить... – И, отвесив полупоклон, направилась к своему жилищу.

Старик только пробормотал мне вслед:

– Род с тобой, дочка...

А меня еще ждала работа. Я собиралась просмотреть пространство вокруг, потому как, когда мы выйдем наверх, там мысленный поиск использовать не стоило. Не знаю почему, но я была уверена, что любое проявление силы на поверхности будет опасным. Откуда я такое взяла – не знаю, но была в этом полностью уверена. А здесь, земля-матушка прикрывала надежно от вражьих глаз.

Уложив как следует все вещи в дорогу, я легла, вытянувшись на лежанке, стараясь ослабить все мышцы тела и освободить голову от всяких ненужных мыслей. Прикрыла глаза и представила себе, что моя мысль – это тихое дуновение ветерка. Постаралась почувствовать, как оно, едва касаясь моей щеки, выскальзывает за полог из шкуры росомахи и летит дальше вверх, к самому выходу из подземелья, а дальше вольным ветром скользит меж голых ветвей деревьев, меж колючих лап еловых корб, все дальше и дальше по пути нашего предполагаемого следования. Направление нашего пути я выбрала на закат. Именно с той стороны приходили все черные воины и прилетали огненные тучи. Значит, там и следовало искать вражье логово.

Поначалу мне на пути попадались искорки мелких зверей и птиц. Но чем дальше я продвигалась, тем безжизненней было вокруг. Мне даже казалось, что я начинаю чувствовать едкий запах гари. Казалось, путь был свободен, но что-то меня тревожило. Будто за всей этой безжизненностью скрывалось нечто такое, чего я не могла ни увидеть, ни объяснить. Я открыла глаза и, выпрямившись, села на лежанке. Гадать сейчас смысла не было. Мне даже захотелось выступить прямо сейчас, не дожидаясь утра. Досадливо поморщилась. Зря все-таки старец навязал мне «компанию»! Одной всяко было бы сподручнее. Одной и затаиться легче, и от погони уходить. А так... Еще неизвестно, на что были способны мои спутники. Если о Волчке я мал-мало знала, то вот об Изборе я не знала ничего. Только одни догадки. Правда, Световлад сказал, что он владеет немного силой огня. Но на кой мне это его «немного»?! Опять же... Насколько я знала старца, просто так он ничего не делал и не говорил. И уж если он мне

навязал эту компанию, то определенно что-то такое-эдакое имел ввиду. Спрашивать его об этом смысла не было, все одно не ответит. А коли и ответит, то так, что потом неделю будешь голову ломать над его словами. Ладно... Как-нибудь разберемся по ходу дела. А сейчас надо бы немного отдохнуть перед походом. То, что он будет нелегким, я уже несколько не сомневалась.

Пока я была на Совете, а потом еще и в кладовой, кто-то позаботился обо мне, принес и поставил на стол крынку с горячим сбитнем и пирог с вяленой ягодой. Голодной я себя не чувствовала и решила оставить еду на утро. Искупавшись в чистой проточной воде, легла спать. Поначалу сон все никак не шел ко мне. Тревожные мысли кружились у меня в голове, словно растревоженная комариная стая на болоте. Но вскоре усталость взяла свое. Глаза мои закрылись, и я провалилась в сон.

Я не помнила, что мне снилось и снилось ли мне вообще что-нибудь. Но проснулась я оттого, что услышала протяжный, будто зовущий волчий вой. Соскочила с лежака со словами: «Лютый!». И тут же опомнилась. Какой Лютый?! Лютый остался ТАМ... Мне вдруг сделалось невыносимо тоскливо. Так тоскливо, хоть самой начинай выть волком! Чтобы как-то прогнать от себя всякие воспоминания, пошла и умылась холодной чистой водой. Прислушалась к себе. Кажется, волчий вой меня поднял вовремя. Скоро рассвет, и нам пора выступать. Время суток, как любой знающий из Рода, я чувствовала хоть с закрытыми глазами, хоть под землей. Этому обучали еще в раннем отрочестве. Слышать, как дышит земля и небо, как рождается и умирает день, а звезды движутся по кругу. Это было особенностью наших Родов, когда-то пришедших на Мидгард-Землю с далеких звездных миров, изначально заложенное в нашей крови.

Наскоро перекусив тем, что оставалось на столе с вечера, вскинула котомку за плечи и, определив свое оружие на должные места, я отправилась к выходу. В коридорах было пусто. Только в небольших нишах едва слышно журчали небольшие струйки воды, да тихий шелест моих шагов нарушали тишину. Только ближе к выходу стали появляться люди. Сначала мне попался караул из четырех воинов, который обходил верхние ярусы. Затем встретились несколько женщин, торопливо идущих мне навстречу и тихо о чем-то переговариваясь. Все здоровались со мной короткими кивками и шли дальше, не заговаривая со мной и не задавая вопросов на предмет, что я тут делаю в такую рань. А ведь меня здесь никто не знал, разве что за исключением нескольких человек. И все же, ни подозрений, ни удивления я ни у кого не вызывала. Что это? Хорошее чутье или беспечность? С этим мне еще предстояло разобраться позднее. И вообще, жизнь в подземном городище была своеобразна, и мне предстояло к ней привыкнуть.

Когда я подошла к самому выходу, Избор и Волк меня уже ждали. Коротко поздоровавшись, я спросила:

– Давно ждете?

За обоих ответил Волк.

– Не... Только что пришли. – И тут же спросил: – Ну что, выступаем?

Я кивнула головой.

– Идем тихо, словно нас и нет. Разговоров никаких не ведем. Звук в предутреннем воздухе разносится далеко. Мысленно не общаемся и поиск не посылаем. Надеемся только на чутье, глаза и уши. – Я обвела их взглядом: – Это понятно?

Мужчины недружно кивнули. Волк напоминал мне шкодливого щенка, которого добрый хозяин наконец-то взял с собой на первую большую охоту. У него возражений против моего главенства не было никакого. А вот физиономия у Избора была слегка кислой. Если бы он сейчас мне что-нибудь возразил, то я бы с удовольствием его оставила здесь. Наверное, он это почувствовал, потому что не проронил ни слова. Хотя по его взгляду было понятно, что сказать он мне хотел многое. Я про себя только усмехнулась. Что поделаешь, ребята, терпите...

Снаружи дул холодный промозглый ветер, разгоняя остатки рваных облаков. Под его напором освободившиеся от последних листьев ветви деревьев клацали друг о друга, словно

зубы голодного волка. Ключковатые куски тумана серыми мышами запрятались по кустам на дне оврага. Постояв немного на склоне возле входа в пещеру, я начала осторожно спускаться вниз. Позади меня раздалось громкое шуршание осыпающихся мелких камней под чьей-то неосторожной ногой. Я только тяжело вздохнула. Может быть, пока не поздно, лучше оставить моих спутников здесь? Представила сердитый взгляд Световлада и опять тяжело вздохнула. Оглянулась назад и тихонько буркнула:

– Ступайте тише... А то весь лес известите о том, что мы идем...

Волк неслышно подошел ко мне и зашептал:

– Варна... Огня бы надо... Ничего ж не видно... На камнях впотьмах тут и шею недолго свернуть...

Я тихо огрызнулась:

– Вы всем на свете хотите сообщить, что мы идем? – Парень засопел у меня над ухом, а я с усмешкой добавила: – Ступайте за мной, след в след, и тогда ничего не случится с вашими шеями...

Не знаю, как они справились, но больше с разными глупыми предложениями ко мне не приставали. Почти до самого рассвета я вела свою маленькую группу к верховьям речушки по дну оврага. Я очень надеялась, что бегущая вода прикроет нас своей чистой энергией от чужого глаза. К тому же, я добавила немного и своей силы к чистому потоку Ёрзы. Думаю, получилось неплохо.

Местность стала подниматься круче, и вскоре мы оказались у самого истока реки. Нагромождение темно-коричневых камней венчало, будто княжым венцом, вершину горы. Мы забрались на самый верх, откуда можно было обозреть всю округу. До рассвета оставалось совсем немного времени. На самом горизонте на востоке появилась едва заметная розоватая полоска, предвещающая скорый восход Ярилы-Солнца. Ветер, не встречающий на вершине горы никаких преград, сбивал с ног, грозя скинуть хрупкие тела людей вниз. Волк прокричал мне, стараясь перекрыть голосом завывания стихии:

– Ты же владеешь стихией воздуха...! Утихомирь маленько... Ведь уже сил нет держаться здесь! Того и гляди скинет лиходеи эдакий вниз...!!!

Сделав молодому воину знак рукой, чтобы они с Избором спускались, сама постаралась протиснуться между камнями в замеченную ранее небольшую расселину, в которой можно было укрыться от сильных порывов холодного Сиверко. Забившись между двух покато уложенных друг на друга в виде шатра, будто специально для такого случая, плоских камней, с облегчением выдохнула. Обзор с этого места был великолепным. Я увидела четкую грань между выжженной землей и стеной пока еще зеленого леса. Увидела и то самое озерко, где я нашла малых отроков Данко и Вратку. Мой взгляд скользил по выжженной земле до самого горизонта, но ничего такого, чтобы меня насторожило или заинтересовало, пока не обнаружила. Честно сказать, я была разочарована. Мы можем ходить из края в край нашей земли, но так ничего и не найти. И когда я, уже по второму разу, более внимательно оглядывала небольшое озерко, лежащее как раз на самой границе между живым и мертвым, что-то показалось мне странным. Что-то совсем еле заметное и почти неуловимое. Я уловила почти у самого берега на воде какой-то серебристый блик, словно кто-то пускал солнечных зайчиков с полированной серебряной пластины. Этот блик, будто слабая рябь на воде под дуновением ветра, пробежала и затихла. И сколько я не всматривалась опять в то место, так ничего более не заметила. Но и этот блик, будто малая подсказка, указывал на то, откуда мы можем начать свои поиски.

Спустившись вниз, я сообщила о своей «находке» спутникам. Судя по их лицам, мои слова особого энтузиазма у них не вызвали. Я только хмыкнула, проворчав:

– Ежели что... Так я здесь никого не держу. Покуда не отошли далеко от городища, можно еще вернуться.

Мужчины насупились. Первым высказался Волк:

– Да ты что такое говоришь?! Как вернуться-то?! И думать не моги!!! Я всегда с тобой! Еще с самого детства, неужто не помнишь?! Так что, ты мне таких слов даже и не говори!!! А что рожи кислые, так это с недосыпу... Правда, Избор? – И он, выразительно глядя на своего товарища, толкнул его локтем в бок.

Странник скукислся, но головой исправно закивал, мол, все так и есть. Я окинула их подозрительным взглядом и проговорила немного едко:

– Грозить, что превращу вас в жаб, если начнете артачиться моим словам, не буду. Но по возвращении это наверняка сделает Световлад... А пока... Скорым шагом ступайте за мной. Ежели будете отставать, держите курс на запад к безымянному озерцу. Знаете такое? – Оба согласно кивнули. И я закончила удовлетворенно: – Ну вот и ладно... А теперь – в путь.

Я сразу взяла быстрый темп. Вроде бы и не бег, а такой шаг специальный, которым опытные охотники по лесам ходят на большие расстояния. Мужчины шли за мной, не отставая. То ли я их мужскую гордость задела, то ли от обиды, что я на них напраслину возвожу, а может, и вообще, не хотелось им до конца дней жабами квакать. Хотя, думаю, в последнее им не особо верилось, но кое-какая опаска все же имелаась. Ладно... С этим потом разберемся. Главное, что шли все ровно, держась вместе. Я на ходу мысленно ворчала на Световлада, что не отпустил меня одну, а еще пыталась понять, что же такое старцу открылось, что он мне подсуропил двух спутников? Ни к чему путному так и не пришла.

Мутное, словно больное, из-за горизонта, будто нехотя выползло солнце. Тепла не особо прибавилось, зато стало больше света. Пока по живому лесу шли, все было нормально, шума почти не производили. А вот как зашли в пожарище, там стало сложнее соблюдать полнейшую тишину. Чтобы избежать этого, я стала обводить свой маленький отряд по небольшим уцелевшим от огня кусочкам леса. Это, конечно, увеличило расстояние до озерца, потому как приходилось петлять и выписывать узоры, выбирая эти самые кусочки. Но зато двигались мы словно тени, не привлекая к себе ничего внимания. Волк с Избором недоумевали, для чего я это все делаю, коли здесь и так никого видно не было. Да и следов пребывания кого живого тоже не находилось. Но перечить мне не смели. Вот и правильно... А меня все больше и больше заполняло чувство тревоги. Словно мы шли навстречу невидимому врагу, прямо в его лапы, при этом не подозревая об опасности, какая ждала нас впереди.

До озерца мы добрались к концу дня. Ярко-алые полосы заката полосовали небо на горизонте, словно кромсая его на узкие грязно-синие ленты. Мы обошли водоем по краю, стараясь попасть на берег, противоположный тому месту, где я нашла отроков. Именно там мне что-то почудилось, когда я смотрела на него с вершины горы. Разумеется, костер разводить не стали. Выбрали удобную позицию среди густых кустов орешника, на которых еще болтались остатки желтых листьев, что не смог сорвать осенний ветер. Устроив удобную лежку, скрытую от любых посторонних взоров, ежели такие бы обнаружили, залегли в ней и принялись наблюдать. Мужчины смотрели по сторонам, а я не сводила взора с заросшей водорослями глади озерца. Почему-то мне казалось, что опасность, или, по крайней мере, некая неожиданность, грозит нам именно от воды. Будто это озерко было неким проходом в неведомое «куда-то». Объяснить, почему именно я так считаю, я не смогла бы. Но какое-то внутреннее чутье мне показывало, что это именно так и есть.

Сумерки, мутные, серо-фиолетовые, напоминающие густой черничный отвар, накаты-вали стремительно из мрачного умирающего леса, будто грозовые тучи при сильном ветре. Контуры полусожженных деревьев и кустов проступали расплывчатыми тенями среди надвигающего осеннего мрака ночи. Волк, почти касаясь моего уха своими губами, прошептал:

– И чего мы тут лежим? Тебе ведомо что-то? Али так просто, выжидаем непойми чего?

Я так же тихо ответила:

– А ты ничего не чуешь?

Парень смутился и прошептал несколько разочарованно:

– Да, вроде, ничего...

И тут, к моему удивлению, подал голос Избор.

– Я чувю... Тяжесть на сердце, и, словно вода какую-то угрозу в себе таит... – На мгновение замолчал, а потом неохотно добавил: – А еще... будто чей-то настороженный взгляд чувю... Только вот, не пойму, чей он... А мыслепоиск ты запретила. – Несколько ворчливо закончил он.

Не обращая внимания на его мелкое брюзжание, я удовлетворенно кивнула головой.

– Точно... Думается мне, непростое это озеро. Что-то в нем не так. Только вот непонятно пока, что именно. – Я задумалась на несколько мгновений и продолжила: – Ты прав, Избор... За нами кто-то наблюдает. Не враг... И, кажется, даже не человек. Странно, но распознать его я никак не могу. Надо бы еще поглядеть. – И добавила решительнее: – А мыслепоиск не вздумай применять. Любой всплеск силы, даже самый минимальный, может помочь нашим врагам засечь нас. Мы ведь не знаем, как они нас находят в лесных чащах. Думаю, что именно по потоку силы и находят. Так что, мы должны быть тише воды и ниже травы. На ночь останемся тут, будем дежурить по очереди. А пока – глядите в оба. – И уставилась сама на воду.

Ветер, лютовавший словно голодный зверь весь день и весь вечер, наконец утихомирился. Зато он разогнал все облака на небе, и яркие звездные россыпи переливались на почти черном фоне ночного неба. Старая луна нежилась в объятиях молодого месяца, тонкий серп которого проливал на землю голубовато-серебристый свет. Деревья отбрасывали зыбкие темно-синие тени, а поверхность озера сверкала, словно драгоценный смарагд. Только чуть едкий запах гари напоминал, что эта ночная красота весьма обманчива. На самом же деле, большинство деревьев уже мертво, а гладь озера скрывает неведомую пока опасность.

И тут меня что-то насторожило. Мне показалось, что над водой мерцает какой-то блик, словно отражение самого озера в воздухе. Я замерла, затаив дыхание, и осторожно сжала руку Волка, лежавшего рядом со мной. Молодой воин посмотрел на меня вопросительно. Я, чуть шевеля губами, еле слышно прошептала:

– Озеро...

Рука невольно потянулась к рукояти топора на поясе. Блик делался все ярче и все обширнее. И вскоре, недалеко от берега, словно какое-то окно, зависло над самой водой. Его голубовато-серебристая поверхность колебалась, дрожала и вибрировала, ни секунды не находясь в покое. От поверхности озера начал подниматься пар, будто из этого «окна» кто-то нагревал воду внизу. И вот в воздухе прозвучал тонкий звук, очень похожий на свист, который издают летучие мыши. Он был так высок, что находился на самом пределе моего слуха. Я покосилась на своих спутников и с изумлением и страхом увидела, что они спали! Спали, уткнувшись головами в прелую листву! Их грудь мерно вздымалась от ровного дыхания. А у меня вдруг возникло необоримое желание шагнуть прямо внутрь того «окна». Оно словно манило, притягивало меня к себе, ломая мою волю к сопротивлению. Возникло навязчивое ощущение, что там, за этой блестящей пеленой, меня кто-то ждет. Кто-то очень важный и нужный, без которого я не смогу дальше жить. Я медленно поднялась на ноги и сделала маленький шаг вперед. Но где-то в самой глубине моего затуманенного сознания билась отчаянно-здравая мысль, что это ловушка! Я попыталась уцепиться за эту мысль, отдавая приказ своему телу не двигаться с места. Но было уже поздно. С ужасом почувствовала, что помимо моей воли ноги, преодолевая сопротивление моего сознания, будто сами по себе делают небольшие шаги в сторону серебристого окна.

Глава 7

Я уже была на самом берегу, и до входа в эту ловушку оставалось всего несколько сажень, как боковым зрением я увидела, что из прибрежных сухих камышей ко мне метнулась огромная тень зверя. Сильные лапы сбили меня с ног, и перед своим лицом я увидела оскаленную пасть разъяренного громадного волка. И в это же время высокий звук, который заставил меня позабыть саму себя, свою сущность, шагнуть вперед, прямо в расставленную ловушку, перешел в злобный визг, словно тот, кто его издавал, был рассержен тем, что добыча ускользнула из его лап в самый последний момент. Виски заломило так, словно мою голову уже раскололи на несколько кусков, и собрать ее обратно не было уже никакой возможности. А волк, все еще продолжающий придавливать меня передними лапами к земле, поднял голову вверх и завыл торжествуя и победно. Раздался громкий щелчок, будто кто-то переломил огромный сухой сук пополам. Серебристое мерцание исчезло, словно захлопнулись распахнутые створки окна, а из озера на этом месте поднялся фонтан грязных брызг.

Вместе с исчезновением странного свечения и звука ко мне вернулось ощущение владения собственным телом. Взгляд, затуманенный от перенесенной разрывающей головной боли, стал проясняться, а мое тело вновь подчинялось мне. Волк перестал выть, опустил голову и посмотрел на меня, как мне показалось, с каким-то значением, а потом вдруг заскулил, словно был не грозным хищником, а больным щенком. Я вглядывалась в волчьи глаза, силясь понять, что же ему от меня надо. То, что он для меня не опасен, я поняла сразу. А грозный зверь вдруг совсем неожиданно лизнул меня в лицо. Я ахнула от внезапного узнавания и изумления. Эти серо-желтые внимательные и умные глаза, черная шерсть, ремнем проходящая по хребту от ушей до кончика хвоста, подпалы на поджарых боках: все это словно на мгновение возвращало меня в ту жизнь, которую я потеряла. Это только людям, далеким от леса, от его жизни кажется, что все волки похожи друг на друга. На самом деле, как и люди, они все разные. Сомнений у меня уже не оставалось. Я выдохнула с изумлением, боясь, что все это мне просто кажется, и стоит мне только закрыть глаза, как волк тут же исчезнет, испарится. Горло перехватило от нахлынувшего волнения, когда я с трудом выдавила из себя шепотом:

– Лютый...???! Неужто и впрямь ты?!

Волк при звуках своего имени заскулил громче, опять лизнул меня в лицо и, наконец, убрал лапы с моей груди. Я привстала и, не удержавшись, обняла серого за шею, все время шепча:

– Откуда ты, серый брат?! Как ты здесь оказался-то?! Как пройти умудрился меж границами?! Ты один или... – Я замолчала, боясь произнести вслух имя мужа.

И тут же у меня в голове возникла мутная, будто прикрытая туманной пеленой, картинка. Зеленая вспышка и бесконечный, закрученный спиралью коридор, летящий навстречу, а потом темнота. Я, отпустив шею зверя, проговорила тихо:

– Знать, ты один прошел... Тебя затащило за мной вслед... – И добавила с непонятной мне самой горечью: – Видно, связаны мы с тобою, серый брат, одной нитью судьбы.

Взгляд волка вдруг переместился мне за спину. Верхняя губа вздернулась, обнажая смертельно острые передние клыки, и в горле у него родился утробный рык, словно звук приближающейся первой весенней грозы. Я быстро обернулась. Избор, опершись на одно колено, застыл в напряженной позе, отведя чуть назад правую руку с боевым топориком, а Волчок (это который Волк) тихонько тянул из-за плеча стрелу из колчана. Я мгновенно переместилась так, чтобы закрыть собой волка. Выставила вперед одну руку и проговорила быстро:

– Это мой друг... Уберите оружие...

Волк (вот же теперь путаница начнется, кого я в виду имею, зверя или человека) подчинился сразу. Опустил лук и вопросительно глянул на меня. А вот Избор послушался не сразу. Не опуская топора, проговорил недоверчиво:

– Откель нам знать, что он не прислан врагами, а тебе голову не заморочили?

Я нахмурила брови и проговорила с легкой угрозой в голосе:

– Ни откель... Особливо тебе. Коли сказала «это друг», значит, так оно и есть! Что неясного?!

Волк покосился на Избора и проговорил тихо с притворным сожалением:

– Ох, чувствует мое сердце... По возвращению, квакать тебе жабой...

При этом парнишка скорчил такую забавную рожицу, что я едва удержалась, чтобы не прыснуть от смеха. Чтобы скрыть свои чувства, повернулась к Лютому и проговорила тихо:

– Не бойся, серый брат... Никто тебя здесь не обидит... – Потом, оглядев эту напряженную гору стальных мускул и острых клыков и когтей, добавила с усмешкой: – Хотя... Пожалуй, в моем заступничестве ты мало нуждаешься.

Волк, будто понимая мои слова, (почему это «будто»?) оскалил пасть в подобие улыбки и неторопливо потрусил под ближайшее дерево. Там улегся на палую листву и положил морду на вытянутые лапы, прикрыл глаза, всем своим видом показывая, как ему надоели глупые двуногие со своими глупыми препирательствами. А я, не обращая внимания на напряженный взгляд Избора, направленный на волка, обратилась к обоим мужчинам:

– Как случилось, что вы уснули?

Оба на меня уставились в изумлении. Затем, переглянувшись между собой, заговорил Волк:

– С чего ты взяла, что мы уснули?

Это было неожиданно. Так... Похоже, они этого даже не заметили. Это меня очень настораживало. Нужно было непременно разобраться в произошедшем. Но для начала мне хотелось оказаться как можно дальше от этого озера. По крайней мере, пока я не пойму, что же такое произошло.

Не отвечая на заданный вопрос, я буркнула:

– Нам нужно найти укрытие до темноты... Думаю, выход из тайного прохода будет для этого самым подходящим местом... Тем более, что он тут, недалеко...

Волк глянул на меня с пониманием, а вот Избор удивленно вскинул брови, спросив с ноткой недоверия:

– А откель тебе ведомо, где находится выход из тайных ходов??

Я была собралась ему ответить что-нибудь резкое на тему «откель», так он мне досадил со своими глупыми вопросами и высказываниями, но меня опередил Волк. Вытаращившись на Избора, словно тот сморозил величайшую глупость, он, набрав в грудь побольше воздуха, возмущенно выпалил:

– Да ты чего, Изборушка!!! В уме ли ты, такие вопросы Варне задавать?! Она же и есть ТА САМАЯ Хранительница Тайных Путей! Только она одна и знала, да еще старец Световлад, как проходят пути, какие и где ловушки, да западни устроены! Многие из них она же и мастерила!!! У нас в Скиту о том каждый отрок ведал!!

Парня прямо-таки распирало от негодования. Избор глядел на товарища с удивлением. В его зеленых глазах так и читалось недоверчивое восклицание «иди ты!». Если честно, мне это порядком уже надоело, и я про себя, в который раз, помянула имя старца, досадуя на него за эдакую компанию. Не дожидаясь, чем кончатся эти разговоры, я развернулась и быстрым шагом направилась в обход озера. Лютый тут же соскочил со своего места и, обогнав меня, потрусил чуть впереди и сбоку. Даже не оглядываясь, я знала, что мои спутники идут следом. Явно было слышно сердитое сопение Волка и тихое ворчание Избора. Я, не оборачиваясь, громким шепотом напомнила им, что нужно соблюдать осторожность и передвигаться как

можно тише и незаметнее. Моим словам вняли, и до самого дуба, где в дупле был скрыт выход из тайного прохода, и где не так давно мы прятались с малыми, двигались почти неслышно.

У древнего дерева я внимательно огляделась по сторонам, настороженно прислушиваясь к звукам леса, которых здесь было не так уж и много. Звери и птицы не спешили сюда возвращаться после недавних пожаров. Лютый безо всякой просьбы с моей стороны оббежал по большому кругу и, вернувшись, выразительно посмотрел на меня. Мол, все тихо. Я мысленно поблагодарила волка и попыталась ему объяснить, что ему лучше было бы последовать за нами в подземелье. Волк подошел к дуплу, потянул воздух носом и тихонько фыркнул. Мне тут же пришла в голову мысль: «Волки не любят подземелий...». Тогда я послала ему мысленную картину огня, льющегося с неба. Если попытаться выразить человеческим языком эмоции, возникшие у волка после моего предостережения, то ближе всего были бы слова: «Так и быть... А то еще выть начнешь...»

Всю дорогу, пока мы сюда шли, я думала, рассказывать моим спутникам о том, что произошло на берегу озера, или не стоит? С одной стороны, они, похоже, ничего не видели, а стало быть, и не поняли. И это было странно и настораживающе. Выходило, что серебристая западня была рассчитана только на Знающих? Поэтому, может, остальным-то и говорить ничего не стоило? А с другой стороны, случись что со мной, кто старцу все расскажет? В общем, когда мы устроились в подземелье, я решила для начала сама все как следует обдумать, а уж потом и спутникам моим кое-что рассказать.

Памятуя, что кроме меня в темноте никто не видит, разрешила Избору запалить факел. Совладал он с этим заданием без особого труда. Из чего следовало, что стихией огня он владеет не так уж и плохо. Волк принялся доставать из своих запасов провизию, чтобы немного подкрепиться. Кусок вяленого мяса достался и Лютому. Волк осторожно взял его с ладони человека, отошел в сторонку и там принялся трапезничать. Я есть не хотела, только выпила немного воды из баклажки и, положив голову на колени, прикрыла глаза, сделав вид, что я дремлю. Волк о чем-то тихо переговаривался с Избором. А я стала вспоминать, стараясь не упустить ни самой маленькой детали или незначительного собственного ощущения из всего того, что со мной случилось. Итак... Сначала звук. Очень высокий звук. Помнится, в одном старом манускрипте я когда-то прочла, что вот таким «мышиним писком» на поле боя врага лишали воли. Считалось, что подобный звук отделяет разум от тела и действует он только на тех, кто может его услышать. А на подобной частоте его слышали только те, кто обладал даром улавливать большие диапазоны волновых колебаний. На тех же, кто подобными способностями не обладал, он действовал как снотворное, что и случилось с моими спутниками. Я представила целые армии, которые под воздействием этого звука в одночасье валились с ног и засыпали мертвым сном прямо на поле боя, а все, кто обладал даром, шли в эту ловушку помимо собственной воли, потому что тело уже не подчинялось разуму. Что потом происходило с ними, даже представить было жутко. Смерть для них была бы предпочтительнее того, что творили с ними темные, чьим орудием этот «мышиный писк» и был.

При воспоминании о том, что недавно пришлось пережить самой, меня даже бросило в холод. Если бы не Лютый... Я тут же уловила мысль волка. «Ты не принадлежала себе. Я должен был остановить. Тебя застали врасплох. Плохое место...» Похоже, волк знал больше моего о происходящем. Но я еще не была готова, чтобы начать его расспрашивать.

А сейчас было главным понять: эта ловушка была поставлена специально для нас или все-таки она была оставлена темными как петля на заячьей тропе? Побежит зайчик и попадетсЯ. А коли не побежит, значит, так тому и быть. И еще... Мне нужна была защита от подобной «петли». В следующий раз Лютый может и не подоспеть. И тут же я опять уловила мысленное одобрение волка.

Волк с Избором о чем-то очень тихо переговаривались. Я открыла глаза и спросила Избора:

– Ты ведь Странник?

Оба с некоторым изумлением посмотрели на меня. Волк извиняющимся голосом проговорил:

– Мы думали, что ты спишь...

Не обращая внимания на паренька, я опять повторила свой вопрос:

– Ты Странник, Избор? На тебе одежда Странника...

Мужчина слегка смутился и проговорил невнятно:

– Я должен был принять посох Странника от... – Тут он, закусив губу, опустил голову и глухим голосом проговорил: – Его черные убили, а наш скит пожгли... Я не успел. Но я из Рода Странников. И, надеюсь, моя пора еще придет, и эти... они за все поплатятся... – Он сжал кулаки до хруста пальцев, все еще глядя в пол.

Я тяжело вздохнула, будто чувствовала себя виноватой в том, что разбередила его раны. Но мне все-таки нужно было расспросить его, потому что от его ответов, возможно, зависела наша жизнь. Проговорила тихо, но твердо:

– Я спрашиваю не из праздного любопытства... Вы, Странники, носите мудрость предков по нашим городам и Скитам, забираясь в самые дальние уголки нашей земли. И знания ваши передаются от отца к сыну не письмом, а только словом. Любой свиток или книгу можно сжечь, а слово живет почти вечно, если есть те, кто помнит. Может, ты слышал что-нибудь о «мышинном писке»?

Услышав этот последний вопрос, оба уставились на меня в некотором изумлении. Слава Роду, никто не стал мне задавать дурацких вопросов «а зачем тебе это надо?». Удивление Волка мне было понятно. Хоть он и вырос в Скиту Матушки Йогини, но по сути своей все же был воином. А вот Избор... У меня теплилась слабая надежда, что он мог хоть что-нибудь да слышать об этом. Странникам многое ведомо. Обычно Странниками становились те, у кого обнаруживалась лишь малая толика дара, больше похожая на его тень, чем на полноценную силу. Они не могут при помощи этого управлять силами природы, слишком уж он незначителен и слаб. Но зато этой крупинцы вполне достаточно, чтобы постичь мудрость Предков, понять саму суть мироздания и донести все это до каждого члена Рода, где бы они ни жили. Зачастую Странники хранили даже те знания, которые были давно утрачены, затерявшись в тысячелетиях нашей истории с самого пришествия наших Родов на Мидгард-Землю. Бывало так, что свитки, манускрипты и древние книги сжигали враги, нападавшие на наши святилища и храмы, а вот память Странников хранила все. Поэтому я надеялась, что Избор мог что-то знать или слышать.

Я продолжала смотреть на него выжидательно, а он, сосредоточенно нахмутив лоб, уставился опять себе под ноги, о чем-то усиленно размышляя. Наконец он заговорил не очень уверенно:

– Ни о каком «мышинном писке» я не слышал... – Я разочарованно выдохнула, а он вдруг продолжил с каким-то воодушевлением: – Не слышал о таком, это точно. Но зато слышал один сказ об очень стародавних временах. Сказ тот неказистый. Его мало кому рассказывают, потому что, вроде бы, нет в нем ничего такого, чему можно и нужно было бы поучиться. И на первый взгляд, вроде бы он ни о чем, так, просто красиво сложенные слова. – Даже Волк начал уже нетерпеливо ерзать, а про меня и речи не было. Я была готова схватить неспешного рассказчика за грудки и трясти его до той поры, пока он не закончит говорить важное, а не все эти пустые словеса. Сдержалась. Хотя сил на это потратила немало. А Избор, ни на кого не глядя, начал говорить немного нараспев, будто и впрямь сказ передавал нам: – Был в те времена волхв такой по имени Благояр. Всю жизнь он сражался с тьмой, не жалея ни сил, ни времени. И боялись его враги наши, более всех остальных светлых сил, ибо обладал он мощью, которую сравнивали с мощью самого бога Перуна. Как ни старались враги, никак не могли придумать способа его извести. Благояр любой вражий замысел сразу чуял наперед. И тогда

обратились враги к той силе, которую опасается затрагивать даже и сама тьма. Сила та называется Пустота. Ибо противно Творцу немая и холодная пустота, куда не может проникнуть ни Свет, ни Слово. И принесли темные в жертву пустоте бесчисленное количество дев и юношей молодых, украденных из наших городищ, пролив моря крови. От их темного непотребства содрогались сами горы, а недра начинали реветь и выворачиваться наизнанку, реки поворачивались вспять, и Ярило-Солнце начинало вставать на Западе, а садиться на Востоке. И тогда даровала им Пустота оружие доселе невиданное, которое убивает только одних Волхвов, кто силу и дар имеет. Прочих же усыпляет мертвецким сном, пробудиться от которого мало кто способен сам. Но взамен Пустота потребовала себе мзды немалой... – Голос его затих, словно иссяк родник.

Мы смотрели на Избора, забыв дышать. А тот сидел, сжав крепко ладони в замок и глядя куда-то в пустоту, словно онемел навеки, превратившись в безмолвный камень. Внезапно посетившее его вдохновение вдруг куда-то исчезло, и лицо его стало опять таким, как всегда, немного скучным, немного недовольным, а взгляд, почему-то, сделался виноватым. Выждав небольшую паузу, первым не выдержал Волк. Подавшись вперед к рассказчику, он выдохнул:

– ... Ну... А дальше-то чего???

Избор пожал плечами.

– А ничего... Все... Более не знаю ничего. Говорю же, сказ какой-то короткий и бестолковый, но я почему-то его запомнил. Мне стало любопытно про эту самую Пустоту. Как подумаю об этом, ажно мороз по коже ползет и в груди холодеет. Я все хотел спросить у знающих... – Предпринял он было попытку расспросить меня.

Я от злости чуть не зарычала. Что толку мне от этого сказа, коли в нем не говорится, как с этой напастью бороться?! Ответила резко, перебивая его:

– Неужто там не сказано было, сумели темные Волхва Благояра победить или нет?! Быть того не может!!! А ну, вспоминай давай лучше! Важно это, понимаешь?! Сейчас важно!

Избор опять плечами пожал, чуть отодвинувшись от меня на более безопасное расстояние.

– Да и вспоминать мне более нечего. Не было там ничего про то, победил тот Благояр аль нет... Потому и показался мне сказ тот бестолковым, что ни начала, ни конца у него не было. Ничего не понятно... – И, видя мое не просто разочарование, а почти отчаянье, добавил тихо: – Прости, знающая, коли не смог тебе помочь...

Я только рукой махнула, мол, да ладно, чего уж там... Тут ко мне стал Волк приставать.

– А чего это ты про оружие это допытываешься? Ведь то, когда было-то!!! Ну, я про Благояра того... А сейчас-то тебе почто?

Я посмотрела тяжелым взглядом на Волка и проговорила нехотя:

– Потому и спрашиваю, что случилось кое-что у озера. Вы-то сразу уснули, ну, то есть совсем сразу, мгновенно, как в сказе том говорено. А меня в какую-то ловушку поволокло. Разум оставался чистым, а тело разуму не подчинялось. Если бы не Лютый, то не сидела бы я тут с вами. Что это за оружие такое знать надобно наверняка. Потому как в следующий раз Лютого рядом может и не оказаться. Вот такие дела, други мои... – Мужчины с удивлением смотрели на меня, а я, не дожидаясь их реакции, продолжила: – ...К тому же, понять надобно вот еще что: ловушку эту на озере кто поставил? Специально или надеясь на то, что хоть кто-нибудь в нее попадет? А может, она там давно стояла, а только сейчас ее что-то пробудило? И все это опасно очень. Вас на такое дело не пошлешь, потому как без толку это. – Волк собрался было мне возразить, так его мое слово «без толку» задело, но я только отмахнулась и повторила назидательным голосом: – Без толку, без толку... Вы же сразу заснете и даже не поймете, что заснули. В этот раз вы ведь этого вовсе не поняли. Так с чего взяли, что в другой раз будет по-иному? А тогда с вами твори, что кому заблагорассудится! – Волк тут же сник, а я продолжила: – Вот и я о чем... А меня эта зараза тянет к себе, и ничего я с этим поделать не

могу, потому как разум мой перестает быть властным над телом. Значит, пока мы всего этого не поймем, наш дальнейший путь становится бесполезным, потому как в любой момент все может прекратиться, стоит только зазвучать этому «мышинному писку».

Все сидели понурившись после моих слов, а меня вдруг осенило. Я внимательно посмотрела на волка, лежащего в своем углу с закрытыми глазами. Похоже, зверя наши проблемы волновали мало. Мысленно я обратилась к Лютому. «Скажи, а почему на тебя этот звук никак не действует? Ведь ты же его тоже слышишь?» Волк приоткрыл один глаз, и я услышала его мысль. Выражался он очень коротко и, кажется, не собирался мне ничего объяснять: «Слышал... Но я не человек...». И все. Больше ничего... Я замерла, словно Лютый мне сообщил нечто очень важное. Хотя на первый взгляд ничего особенного он мне и не сказал. Но в его мыслях была скрыта глубокая истина. Так... Погодите... Он слышал. Это первое. Слышал и понял, какая это для меня опасность. Но на него самого это не действовало, потому что он не человек... Ну, конечно!!! Нет... Все-таки мой ум, поддавшись душевной слабости, вызванной расставанием с мужем, совершенно утратил свою гибкость! Диапазон волны этого звука действует только на людей! Вот в чем весь секрет и вся тайна!!! Ведь наш разум и разум животных вибрирует с разной частотой! Поэтому на меня это оказывает влияние, а на волка – нет! И чтобы это преодолеть и понять сущность этого оружия, а главное, как его уничтожить, мне всего-то и надо, что переключить свой разум на частоту колебания волка. Я ведь это делаю, когда становлюсь сутью волка. Даже когда я перехожу на волчью рысь, когда мне нужно двигаться быстрее, я уже переключаю свой разум на волчью волну! Как же все просто-то!!

Не сдержав волнения, я подскочила к лежащему волку и порывисто обняла его за шею.

– Спасибо, серый брат!! Ты спас меня сейчас еще один раз... И не только меня одну...

Лютый фыркнул, замотал головой и поднял верхнюю губу, обнажая клыки. Панибратства он не выносил.

Мои спутники смотрели на меня с нескрываемым изумлением. А я, обернувшись, произнесла:

– Вот что... Вам придется некоторое время оставаться здесь. Тут безопасно. А я вернусь на озеро. Надо разобраться с этой дрянью. А то беды от нее может быть великое множество...

– Волк было дернулся, но я чуть повысила голос: – Вам туда нельзя. Причину я уже объяснила. А я, кажется, знаю способ, как мне этой твари не подчиниться. В любом случае, мы не сможем двигаться дальше, оставляя у себя за спиной сильного и почти непобедимого врага. – Видя, как сник Избор, как жалобно смотрел на меня Волк, напоминая мне сейчас того Волчка, какого я помнила из прошлой жизни, я чуть мягче добавила: – Со мной будет Лютый. Он меня в обиду не даст. И вот еще что... Мы с ним выходим прямо сейчас...

Глава 8

Я по глазам видела, что мужчины хотели мне воспротивиться, но благоразумие взяло верх, и они промолчали. Наш уход с Лютым сопровождали только суровые, осуждающие взгляды. Но остаться, чтобы все объяснить моим спутникам, я не могла. Во-первых, есть некоторые вещи, которые ведать положено только знающим, а во-вторых, я чувствовала, что времени у меня осталось совсем мало. А почему у меня складывалось такое ощущение, я и сама не знала. Просто привыкла доверять своей интуиции.

Прежде чем выбраться из дупла старого дуба, я прислушалась к ночным звукам. Лютый, возмущенный тем, что я не выпустила его первым, тихо рычал у моих ног. Я посторонилась, едва слышно прошептав:

– Ладно, серый брат... Ступай. Ежели что заметишь, дай мне знать...

Лютый в ответ только фыркнул и одним мощным прыжком преодолел высокую стенку дупла и бесшумно скрылся в темноте. Выждав для верности несколько мгновений, я тоже выбралась наружу и огляделась по сторонам. Ночь была темна и непроглядна, словно кто-то выплеснул на мир бочку сажи, разбавленной маслом. Небо опять закрывали низкие тучи так, что не было видно даже слабого проблеска звезд. Темные, почти черные облака клубились над головой, словно варево в котле, подчиняясь мощным порывам верхнего ветра. А он, озорник и шкода, продолжал волочь и бутырить⁵ их изо всех сил, будто пытаясь вытрясти, выдавить из их раздутого нутра то ли дождь, то ли уже снег. А вот внизу, у самой земли царили покой и безмолвие. Ни один листик не шевелился на старом дубе, ни одна камышинка у озера не шелохнулась. И этот резкий контраст между небом и землей, между покоем и хаосом, почему-то меня настораживал. Будто сама природа мне говорила: смотри, мол, как все в этом мире переменчиво и скоро, а потому каждый момент жизни ценен и неповторим.

Постояв еще несколько мгновений, я легким шагом направилась по берегу озерца, беспрестанно поглядывая на водную гладь. Я догадывалась, как могу спровоцировать и вызвать тот самый «мышинный писк». По-видимому, все ловушки темных были настроены на высокие вибрации знающих, волхвов и остальных членов Рода. Потому что чистые помыслы – основа восприятия собственной жизни и мироустройства в целом, свойственные нашим Родам, относились к высоким волновым вибрациям. Как говаривал когда-то старец? Темные ловят нас на любовь, как рыбак ловит рыбу на червячка. А ведь и любовь – это чувство, относящееся тоже к высоким вибрациям. Но, пока я не добралась до места и как следует не подготовилась, нужно было прикрыть собственные мысли и излучение силы, исходящее от меня. Особо сильную защиту ставить не стала. Накрыла свою сущность легким куполом, чтобы беглым взглядом было незаметно свечение моей энергии, и только потом двинулась дальше.

До прежнего места, где мы совсем недавно устроили секретную лежку (которая, как оказалось, совсем не получилась секретной), я добралась довольно быстро. Лютого нигде не было ни видно, ни слышно. А искать волка мысленным поиском я не стала, чтобы не будоражить силу вокруг, привлекая к себе внимание темных раньше времени. А то, что эта серебристая ловушка здесь была не единственной, подсказывало мне мое чутье. Устроилась я на прежнем месте, усевшись поудобнее и сложив ноги калачиком. Для того чтобы спровоцировать активность всех ловушек и западней, которые еще могли здесь находиться, нужна была соответствующая подготовка, притом весьма скрупулезная и тщательная. Ошибки исправлять времени не будет, как не будет у меня и второго шанса.

Я не стала придумывать заумные схемы и запутанные лабиринты, а решила воспользоваться обычной детской сказкой, которую, помнится, матушка Додола рассказывала в нашем

⁵ Бутырить – переворачивать, мешать, перемешивать, перебивать, приводить в беспорядок.

скиту малым отрокам в назидание и поучение. Как один глупый пастушонок, чтобы привлечь внимание селения, несколько раз кричал «волк», когда волков и в помине не было. Окончилась его шутка весьма плачевно. Так вот, я хотела воспользоваться этой наукой, только немного видоизменив эту детскую побасенку, скажем так, слегка ее видоизменив.

Расслабившись, я быстро сняла свою защиту и кинула довольно сильный мыслепоиск, ощупывая все пространство вокруг. Силы вложила больше, чем того требовалось. Уловила движение Лютого, который обходил озерцо по большому кругу, будто воин в дозоре. Несколько жизненных искорок мелкого зверья, которые то ли уже вернулись после пожара, то ли не успели убежать, спрятавшись глубоко под землю, и только сейчас выползали наружу. Никаких людей, никаких пустых пространств по округе, означавших кем-то наложенную защиту или темные чары, я не почуяла. Вот и ладно. А Лютый постережет и предупредит, ежели какая опасность появится.

Всплеск моей силы был довольно сильным. Более того, я умудрилась пробить земную толщу и нащупать две искры жизни, обозначавших Избора с Волком. И даже смогла почувствовать раздражение Странника и волнение за меня молодого воина. А еще смогла уловить недовольно-ворчливую мысль Лютого, которая, если выражаться человеческим языком, сводилась к одному скептическому вопросу: «А не слишком ли ты широко шагнула, девонька?» Я усмехнулась. Кажется, у Лютого обнаружилось своеобразное чувство юмора. Втянула мыслепоиск обратно и стала ждать, чутко и настороженно прислушиваясь ко всему, что происходило вокруг. Подобный выплеск силы просто не мог остаться незамеченным тьмой.

Едва слышный плеск волны о прибрежный песок, чуть заметное шуршание в камышах, где-то позади меня с обгоревшего дерева с хрустом обломилась небольшая ветка. Я впитывала все звуки и запахи, улавливая малейшее колебание волн эфира вокруг меня. Пока ничего настораживающего я не заметила. Будет жаль, если те темные силы, что прячутся за этими пакостями, разочаровавшись в том, что в прошлый раз упустили добычу, возьмут и перенесут эту западню в другое место. Поди тогда, отыщи ее по всей округе! Да и времени на подобные поиски было жалко тратить.

Задумавшись об этом, я едва не упустила момент. Сильнее зашуршала прибрежная волна, будто из глубины озера поднялось на поверхность что-то весьма крупное. Слабый серебряный отблеск в воде, почти у самого берега, сверкнул рыбьей чешуей и тут же стал разрастаться, увеличиваясь на глазах. Превозмогая собственный инстинкт, защиту выставлять не стала. Страхнув с себя остатки человеческой энергии, пропустила через тело, идущую из самых глубин земли будоражащую все тело энергию. Впилась пальцами в землю, словно когтистыми волчьими лапами, и почувствовала, как кровь в жилах заструилась быстрее, как обострились слух и зрение. Запахи гари жестче ударили по обонянию, заставив невольно сморщиться. Ощутила энергию, которой стало наливаться мое тело. На груди запульсировал голубым огнем оберег Велеса, волчья лапа, вливая в мое сознание потоки силы.

Легкой пружиной я вскочила на ноги, готовая идти по следу, преследуя добычу. Я позволила человеческому разуму отступить немного вглубь сознания, уступая место проснувшемуся зверю. Потерять контроль не опасалась, потому как проходила подобное не единожды. От переполнявшего меня восторга, ощущения собственной мощи и неуязвимости подняла голову вверх и протяжно завывала. И тут же издалека донесся ответный вой Лютого.

А в это время над гладью озера уже серебрилось открывшееся «окно». Я слышала тонкий пищавший звук, от которого заныли зубы. Но и только. А в следующее мгновение ощутила, как какая-то темная сущность, похожая на тонкое щупальце, стала обшаривать весь берег в поисках моего разума, который ОНО почувствовало в самом начале. Едва коснувшись моей новой силы, скользнуло мимо. Звери ЕГО не интересовали. Мне пришлось чуть напрячь свою волю, чтобы сдержать рвавшееся наружу ликование. Все получилось! Ай да Лютый!!! Помог

найти решение, как бороться со страшным оружием, созданным темными, которое было призвано уничтожить всех знающих и волхвов!!

Тонкий звук перешел в более низкое звучание, и я уловила нотку злого разочарования. Неужто эта тварь обладает собственным разумом? Не может быть! Кто-то должен стоять за ней, за этой ловушкой, кто-то должен был ее контролировать. И мне нужен был этот «кто-то»! Звук стал похожим на грубый всхлип, словно кваканье жабы, и вскоре исчез совсем. Пропало за ним и серебристое мерцание. Со дна озера опять поднялся фонтан грязной воды, и все затихло.

Нужно было сбрасывать личину волка. Но мне не хотелось расставаться с тем упоительным чувством свободы, которое мне эта личина давала. Усилием воли я скинула с себя волчью личину, сразу же спрятавшись за защитным коконом, силу для которого я взяла от самой земли-матушки. И сейчас любой, кто просматривал и прощупывал бы это место, увидел лишь стоящие деревья и камни, но не почуял бы за этим щитом человека. Передохнув чуток и приведя свои чувства к покою и равновесию, я повторила все опять с самого начала. Мысленный поиск, всплеск человеческой энергии и, после появления проблеска над водой, моментальное перевоплощение в состояние волка. На этот раз звук был более резким. От него заболела голова и завибрировали внутренности. Усиленное сердцебиение показало, что шутки с этими силами могут закончиться плохо. Но начатое должно было довести до конца. Нужно было вытащить эту тварь наружу вместе с ее хозяином или хозяевами.

Передохнув после второго раза, я подумала, что если в третий раз ничего не случится... И сама себя остановила. Нет. Нужно просто рассчитать собственные силы. С каждым выходом на поверхность эта тварь увеличивает силу посылаемых частот, значит, мне нужно быть готовой к этому, иначе все было напрасно. Третий раз мне пришлось тяжело. Я услышала, как где-то, совсем неподалеку, коротко завыл-заскулил Лютый. На него тоже обрушился этот удар. На волчьей «волне» с трудом передала мысль: «Уходи подальше. Потом вернешься». Ответа не пришло. То ли волк не обратил внимания на мое предупреждение, то ли он был с ним несогласен. Разбираться с этим у меня времени не было. Силы уходили на то, чтобы не дать сломать «волчью» волю собственного сознания.

Когда «мышинный писк» перешел в злобный рев, в котором уже явно было слышно злое разочарование, это, наконец, случилось. Я не знала, чего мне ждать, но на всякий случай была готова ко всему. Это я так думала, что «готова ко всему», на самом же деле я потратила несколько драгоценных мгновений на то, чтобы осознать случившееся, и чуть при этом не обнаружила себя. Прямо на берегу, напротив того места, где открывалось то «окно», в нескольких саженях от меня дрогнуло пространство. В непроглядности ночи, прямо в воздухе, заключилась тьма, образуя узкую щель. Она начала быстро расширяться, и из нее хлынул серый туман с каким-то металлическим запахом и горьковатым привкусом, оставляемым на губах. Словно где-то, совсем рядом, раскаленный металл сунули в чан с холодной болотной горькой водой. Я попятилась назад, стараясь, чтобы этот туман не задел меня своей липкой лапой. Миг, и из образовавшейся щели стали выходить черные воины. Один за другим они появлялись из открывшегося пространства и выстраивались в шеренгу, ожидая то ли команды, то ли самого командира. Я не знала, на что были способны эти воины, не знала, как они видят или слышат, а может, и чувствуют энергию окружающего пространства. Но у меня было не так много вариантов. Сработал инстинкт, выработанный годами тренировок и реальных битв со тьмой. Я моментально подстроилась к волнам, излучаемым огромным гранитным валуном, и сама превратилась для всех, кто мог видеть и чувствовать, в камень.

Когда последний воин вышел из этой щели, она не закрылась. Из своего укрытия я могла видеть, как черные, выстроившись цепочкой и подчиняясь какому-то невидимому приказу, стали медленно обходить местность, будто к чему-то прислушиваясь или присматриваясь. Лиц их я видеть не могла, потому что на них были надеты черные блестящие личины, на головах – такой же блестящий шлем. На их запястьях мерцал белый огонек. Они водили рукой по сто-

ронам, словно вместо пальцев у них были глаза, и эти глаза внимательно осматривали каждый кустик и каждый камень, попадающийся у них на пути. И еще... Прикрывшись личиной камня, я все же могла ощущать чужую энергию. Она исходила из самой щели, откуда эти воины появились, но вот от самих черных я не чувствовала ничего, будто это были не живые люди и даже не камни, ведь и камень имеет свои жизненные волны, как все, что создано Творцом, а нечто... Если бы я не побывала за Гранью, возможно, у меня бы это вызвало недоумение или, может быть, даже испуг. Но я видела железные колесницы и летающие аппараты, у которых не было своих излучений, и знала, что наше время не единственное возможное, которое существует здесь и сейчас.

Мормагон совершил кощунство, преступление, которому нет и не может быть оправдания, нарушив Грань и тем самым перепутав границы миров. Возможно, эта щель, откуда вышли черные, вела в другое время, а возможно, и в другой мир. И все это непотребство стало возможным именно благодаря действиям мерзкого подменщика Мормагона! Но умение того, кто все это затеял, открывать доступ к этому миру, причем в любом месте, где только неведомый «он» пожелает, очень сильно пугало и настораживало. Получалось, что укрыться от черных было невозможно? Они могли появиться где угодно и когда угодно? Но предаваться размышлениям мне было некогда. Один из этих странных воинов стал приближаться к валуну, за которым я укрывалась. Белый огонек на его запястье вдруг загорелся красным, и раздался тонкий пронзительный свист. Мне не нужно было разбираться хорошо во всех этих хитростях пришельцев, чтобы понять, что я обнаружена. Остальные воины, оставив все другие направления, быстро перебрались к тому, у которого зажегся этот треклятый огонек. Они замерли на несколько мгновений, ничего не предпринимая, не пытаясь достать оружие или еще как-нибудь проявить враждебность. Только выстроились полукругом вокруг моего укрытия. Кажется, моя маскировка здесь не сработала, или, если и сработала, то не в полной мере. И я даже догадывалась, почему. Мои силы влияли только на живую материю, неважно, человек это был или зверь, птица или другая какая-то тварь, созданная природой-матушкой, а эти... Похоже, они были не живые, но и не мертвые. Как это было возможно?! В голове у меня вдруг прозвучала мысль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.